

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ИМПЕРАТРИЦА ОЛЬГА

16+

НИКТО КРОМЕ НАС - 5

Александр Михайловский Юлия Викторовна Маркова Императрица Ольга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350875

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0373-3

Аннотация

Пятая книга серии «Никто кроме нас». Японская империя принимает условия России и заключает с ней мирный договор. Грандиозные перемены грядут в остальном мире. Внутри Российской Империи назревает заговор, который с успехом раскрывает Служба Имперской Безопасности, созданная усилиями пришельцев из будущего. Николай Второй покидает пост, а на его место заступает его сестрица Ольга, сразу показавшая себя достаточно жесткой и волевой императрицей.

Содержание

Пролог	4
Часть 17. Конец дракона	10
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Пролог

К двадцатым числам июня 1904 года мир вплотную подошел к тому моменту, когда умным людям стало очевидно, что ничто теперь не будет таким как прежде. Первым фактором радикальных перемен в мировой политике стал ход русско-японской войны, весы которой склонялись отнюдь не в пользу нападающей стороны. А ведь это нападение нашло тайную поддержку у так называемого «прогрессивного человечества»... Да-да, даже якобы союзная Российской империи Французская республика в своих портах, расположенных восточнее Цейлона, ввела для русских военных кораблей «правило 24-х часов» – за это время крейсеру или броненосцу должен был покинуть порт или, в противном случае, оказаться интернированным.

Казалось, Российская империя попала в полную изоляцию. Активно враждебной к ней была Британская империя и международная (еврейская) финансовая аристократия: Ротшильды, Куны-Леебы и прочие Шиффы. Бряцала оружием Оттоманская порта, грезящая о реванше за 1878 год. Враждебной была также Австро-Венгрия, где правил неугомонный старик Франц-Иосиф (такой древний, что помнил еще венгерский бунт 1848 года и Восточную (Крымскую) войну). При этом Германская империя – казалось бы, насквозь родная, ведь половина русской элиты была этническими немца-

ми, а кайзер Вильгельм приходился дядей правящему поколению Романовых, тоже вела двуличную политику. С одной стороны, немцы активно набивались в друзья, желая разрушить нацеленный против них русско-французский союз, а с другой стороны, втайне мечтали о необъятных русских пространствах. Иногда «дядюшку Вилли» спяну несло во все тяжкие, и он прилюдно проговаривался о затаенном. Идея о жизненном пространстве на востоке (лебенсраум), необходимом германской нации для развития, родилась отнюдь не при Гитлере.

Положение осложняло то, что германская армия, в союзе с Австро-Венгрией, готовилась воевать с Россией и Францией на суше, а флот, надеясь на союз с Россией, собирался бросить вызов британской гегемонии на море. В одиночку у Хохзефлотте задача борьбы с Роял Нэви не решалась. Поэтому в русско-японской войне Германия «болела» сразу за обе стороны. Армия посылала своих инструкторов и новейшие образцы вооружения в дислоцированную в Корее японскую армию генерала Куроки, а флот делал ставку на русские победы, в нашей истории обеспечивая снабжение движущейся на Дальний Восток Второй Тихоокеанской эскадры.

Одним словом, появление на Дальнем Востоке отряда русских боевых кораблей из двадцать первого века и последующие поражения японских армии и флота спутали карты всем игрокам. И если туркам и австрийцам пришлось просто поджать хвост, а германцам несколько подправить век-

тора своих приоритетов, то прочие участвовавшие в игре персонажи так легко не отделались. Тяжелее всего оказалось банкирам британского Сити и тем самым Ротшильдам, Кунам-Леебам и всяким Шиффам, которые оказались перед фактом, что у них скоро заведется крупный несостоятельный должник. Так уж получилось, что вместо ожидаемой прибыли от профинансированной ими операции у Японии образовались огромные убытки. А как же иначе? Объединенный флот на дне, армия разгромлена и частично уничтожена, страна находится в полной морской блокаде. Никто не сомневался в том, что, окончательно победив, русские обчистят Японию до нитки – и страна, и без того небогатая, лишь недавно вырвавшаяся из феодализма, и вовсе превратится в нищую попрошайку.

Невесело было и правительству Французской республики, в самом начале этой русско-японской эпопеи успевшему заявить, что, мол, союзнические отношения между Россией и Францией относятся только к европейским делам, где Россия должна спасти Париж от повторного визита германских гренадер... А в остальных регионах мира русские варвары пусть сами разбираются со своими проблемами, не впутывая в них культурных европейцев. Тому, кто это брякнул, язык стоило бы прибить сапожными гвоздями прямо к рабочему столу, ибо мир уже давненько не видел такого вопиющего плеванья в колодезь, из которого французам еще предстояло пить в будущем.

Хорошо хоть переговоры по Сердечному Соглашению (Антанте) были вовремя заморожены до выяснения обстоятельств, а то бы могло получиться и вовсе нехорошо. С другой стороны, все бы ничего: русский царь-тряпка стерпит и не такое обращение; но вот в связи с кончиной его супруги Александры Федоровны по Петербургу, а потом и по всему миру, пополз тихий слуш-шок, что, дескать, царствовать Николай Второй более не желает, а потому оставляет трон то ли брату Михаилу, то ли, упаси Боже, сестре Ольге, и уходит в монастырь молиться об упокоении души своей ненаглядной душишки Аликс. А вот это для французской республики уже был самый настоящий амбец.

На то, каков Великий князь Михаил Александрович в свободном полете, с властью и полномочиями, французы могли вдосталь наглядеться в Манчжурии, где он не на шутку разошелся – так, что от французских креатур в русской армии только пух с перьями летел. Ольга тиха и ни в чем таком не замечена, но стоит вспомнить, чья она дочь – и становится ясно, что в этом тихом омуте водятся самые отборные черти. Екатерину Великую, в девичестве германскую принцессу Фике, сначала тоже считали легкомысленной дурочкой, зато потом она всем показала, как надо править, чтобы тебя запомнили надолго. Но самое страшное даже не в личных качествах кандидатов на российский трон, а том, что в советниках у них как раз те самые обосновавшиеся на островах Эллиота господа из будущего, которые и так уже несколько

месяцев своей загадкой сводят с ума просвещенное человечество.

Но все эти неприятности разом побледнели и забылись после того, как с Дальнего Востока, буквально настигая одна другую, пришло еще несколько сногшибательных новостей. Некоторых эти самые новости сшибли с ног в самом буквально смысле. Так, Первый Лорд британского адмиралтейства Уильям Уолдгрейв, граф Селбурн, узнав о гибели эскадры Китайской станции флота Его Величества при попытке набега на острова Эллиота, просто заперся в своем кабинете, где пустил себе в голову пулю из личного револьвера. (Такой револьвер каждый джентльмен обязан иметь при себе, чтобы иметь возможность отбиваться от собак и грабителей).

Возможно, сэра Уильяма принял такое фатальное решение только из-за того, что этот африканский муфлон, вице-адмирал Джерард Ноэль, не утонул (как всякий порядочный джентльмен) вместе со своим флагманским броненосцем «Глори», а сдался в плен русским из будущего вместе со всеми документами эскадры. Эти бумаги компрометировали не только самого адмирала Ноэля, но и британское правительство, отдававшее ему приказы. В Адмиралтействе уже стало известно, что в руки небезызвестного господина Одинцова попали также и бланки телеграмм, подтверждающие, что набег на острова Эллиота – это никакая не самодеятельность со стороны командующего китайской станцией, а лишь прямое выполнение приказа его непосредственного началь-

ства. Думается, что еще ни один киллер-неудачник не сдавал заказчика преступления с таким изяществом и тактом.

Официальное образование Великого княжества Цусимского и перемещение туда основных фигурантов на этом фоне прошло почти незамеченным. Но умные люди, посвященные в некоторые тайны, понимали, что все только начинается, и пришельцы теперь будут заниматься политикой на совершенно ином, легальном уровне. Это было тем более опасно, что их представители уже были замечены не только на Дальнем востоке, но и в Петербурге, в окружении царя Николая. Это-то было и понятно, ведь ни один умный человек не будет складывать все яйца только в одну корзину и полагаться на то, что Император Николай непременно отречется от престола в пользу нужного им кандидата.

Провал покушения на царя при этом выглядел почти незначашей мелочью, тем более что и заказали-то его джентльмены эсерам просто из принципа «а вдруг выгорит». Но что было хуже – новая русская спецслужба, что завели в Петербурге пришельцы, помимо эсеров, принялась сметать с политической доски и те фигуры, которые никак не могли быть причастны к покушению, но при этом были крайне необходимы для проведения пробританской (профранцузской) политики. Ужас и смятение, как пред вторым пришествием Христа, установились на берегах Сены и Туманного Альбиона.

Часть 17. Конец дракона

20 июня 1904 года, поздний вечер. Великобритания. Старинная усадьба XVII века в окрестностях Дувра.

Утомленное солнце ушло куда-то за холмы старой доброй Англии. Смеркалось. Три джентльмена снова заняли свои места у камина, только вот место сэра Уильяма Уолдгрейва, графа Селбурна, безвременно усопшего от свинцовой масляной в висок, занял новый Первый лорд Адмиралтейства, рыцарь Британской империи сэр Джон Арбенотт Фишер по прозвищу Джеки. В отличие от некоторых, занимавших свои должности в соответствии с титулами и заслугами предков, сэр Джон был моряком до мозга кости, насквозь просоленным в боях и походах (насколько это позволяла относительно мирная и спокойная вторая половина девятнадцатого века).

Родившись в 1841 году, в службу будущий адмирала Фишер вступил в возрасте тринадцати лет, сразу попав на Восточную (Крымскую) войну (1854–56 годы); кроме того, участвовал в англо-китайской (1859–1860 годы) войне и египетской экспедиции (1882 год). Это, конечно, не время кровавого рубилова семнадцатого и восемнадцатого веков, когда в грохоте пушечных залпов англо-испанских, англо-французских и англо-голландских войн Британия зубами

выгрызала себе место первой морской державы. Также это не время сражений мировых войн двадцатого века, во время которых крейсера и линкоры-дредноуты медленно уступали пальму первенства авианосцам и подводным лодкам, но все же это лучше, чем ничего. По своей сути адмирал Фишер был не только флотоводцем, но и геополитиком, он понимал не только то, как добиться победы в войне на море (линейная тактика), но и то, за какие пункты на мировой карте воевать стоит, а за какие нет.

– Итак, джентльмены, – скрипучим голосом произнес британский премьер-министр Артур Джеймс Бальфур, – я вынужден констатировать, что могуществу Британской империи брошен вызов, и если мы не сумеем на него достойно ответить, то солнце над ней закатится навсегда. Прошу вас иметь это в виду. Сэр Генри, вам слово.

– Сэр Артур и вы, достопочтенный сэр Джон, – ответил министр иностранных дел Гэ́нри Чарльз Кит Пётти-Фиц-мб́рис, – к нам поступила информация, что русским стало достоверно известно, что за предотвращенным их полицией покушением на царя Николая стояла наша агентура. Каким-то образом им удалось арестовать нанятого нами исполнителя из русских революционеров и вытрясти из него всю подноготную...

– Да, – хмыкнул Джон Фишер, – русские не только вскрыли вашего агента как банку с анчоусами, но и поделились этой историей с газетными писаками. Теперь все желтые га-

зетенки – от их Петербурга до нашего Лондона – обмусоливают эту пикантную новость. Скажите, сэр Генри, вам нравится выглядеть идиотом? Вы, что, в самом деле, пообещали этому олуху миллион швейцарских франков золотом за убийство русского царя? Не слишком ли много за попытку произвести впечатление на публику?

– Обещать деньги, – гордо ответил британский министр иностранных дел, – это еще не значит дать их. Во-первых – этому господину Савинкофф требовалось выполнить свою миссию и убить русского царя, оставшись при этом в живых. А это очень трудно, почти невозможно. Во-вторых – выполнив свою миссию, ему было необходимо суметь выбраться из России, избежав внимания полиции, и прибыть в Швейцарию. А это, скажу я вам, не так просто, особенно если учитывать, что мы будем крайне не заинтересованы в благополучном исходе этого анабазиса. И в-третьих – нашему герою, даже если бы он благополучно добрался до дверей банка, потребовалось бы доказать, что это он убил русского царя, а не кто-то другой. А если бы наш клиент начал буянить, то его можно было бы арестовать за попытку ограбления банка, после чего через день-два он бы повесился в местной тюрьме. Как говорят наши кузены – ничего личного, только бизнес. Если мавр уже сделал свое дело, так зачем же ему еще и платить?

Адмирал Фишер удовлетворенно кивнул.

– Спасибо за разъяснение, сэр Генри, – сказал он, – но, в

любом случае, мне кажется, что вы увлеклись мышшиной возней и стрельбой из пушек по воробьям. Да, принято считать, что сто лет назад смерть русского императора Павла спасла нашу Империю от похода русских казаков в Индию. Но при внимательном рассмотрении эта версия не выдерживает ни малейшей критики. Поход в Индию через огромные неизведанные расстояния, через земли многочисленных туземных владык, с армиями которых потребовалось бы сражаться на каждом шагу, был порождением бредовой фантазии психически ненормального человека. Эти казаки погибли бы все до единого, даже не успев дойти до гор Центральной Азии, и Британия не потратила бы на это ни единого фартинга. Проблема ведь не в том, какой владыка – плохой или хороший, с точки зрения Британской империи – сидит на троне в Петербурге. Проблема даже не в существовании России, как некой злой силы, которая повсюду стремится гадить британцам. Проблема в самом существовании огромных континентальных пространств, над которыми не властны броненосцы Его Величества. Любая континентальная держава, которая сумеет установить контроль над этими пространствами, неизбежно станет нашим смертельным врагом. Вы думаете, что все наши проблемы решатся, если вы расшатаете и разрушите Россию? Да черта с два. На этом ваши настоящие проблемы только начнутся. Свято место пусто не бывает. Или на месте разрушенного возникнет новое русское государство – молодое, голодное и злое, власти которого возьмутся за

интенсивное развитие своей индустриальной мощи, или эти пространства захватит и так уже до предела индустриализированная Германия, получив в свое распоряжение то, чего ей так не хватает для развития с максимальной скоростью. Ведь Россия – это не только огромные пространства Восточной Европы, Сибири и Центральной Азии, но и неисчерпаемый ресурс рабочей силы, необъятные территории, пригодные для сельского хозяйства, и источник промышленного сырья практически всех видов. И для перевозки этого сырья от мест добычи к местам переработки русским нет необходимости строить флот грузовых трампов, которые повезут хлопок, чай, руду, уголь и нефть. Совсем нет. У них эта задача решается прокладкой железных дорог, что они и делают, и вполне успешно...

– На что вы намекаете, сэр Джон? – спросил Артур Джеймс Бальфур, – мы вас не понимаем, говорите, пожалуйста, яснее...

– Я хочу сказать, – ответил адмирал Фишер, – что битва слона и кита, в которую мы играем с русскими, идет на пользу совсем не нам, а нашим потенциальным конкурентам – французам, германцам и, самое главное, нашим заокеанским кузенам. Если вы посмотрите, какими темпами развиваются Североамериканские Соединенные Штаты, то сразу увидите, где находится настоящая угроза. И не надо уповать на то, что мы разговариваем с ними на одном языке, ведь это отнюдь не помешало тому, что между нами уже случились целых две

англо-американских войны. Сейчас они исповедуют доктрину Монро, препятствуя влиянию европейских держав на дела американского континента, но я уверяю вас – однажды эта маска мнимого миролюбия будет сброшена, и наши кузены предъявят свои претензии на мировое господство. Не стоит забывать и про европейские дела. Самое страшное случится, если русский император (не один, так другой) разорвет союз с французами, которые предали Россию еще в самом начале этой злосчастной войны, и с разбегу бросятся в объятия Германии. Этого монстра, джентльмены, нам будет не одолеть даже в союзе с французами, австрийцами и турками. Сначала на суше подвергнутся разгрому наши союзники, а потом придет и наш черед лицом к лицу встать с объединенной мощью континентальной Европы. Проблема кузенов в таком случае отходит на второй план, потому что мы до нее банально не доживем. Нет, государство с названием «Британская империя», скорее всего, сохранится, но это уже не будет та великая Империя, над которой никогда не заходит солнце, а всего лишь ее жалкое подобие.

После слов адмирала в зале с камином наступила гробовая тишина, в которой было слышно только, как трещат сгорающие в огне дубовые дрова.

– Что вы предлагаете, сэръ Джон? – некоторое время спустя недовольно произнес британский премьер-министр, – только, пожалуйста, без этих ваших исторических экскурсов и патетики.

– Можно и без патетики, сэср Артур, – ответил адмирал Фишер, – если быть кратким, то мое предложение сводится к тому, чтобы совершить в нашей политике поворот «все вдруг» на шестнадцать румбов и немедленно прекратить вражду с Россией. Продолжение нынешнего политического курса прямым путем затолкает эту важнейшую страну в уже раскрытые германские объятия, и тогда уже ничего нельзя будет исправить.

Артур Бальфур и Гёнри Пётти-Фицмбрис переглянулись, после чего британский премьер-министр важно произнес:

– Мы, сэср Джон, собственно, и без ваших мудрых указаний собирались предложить России быть младшим партнером в союзе против Германии, но не раньше, чем она потерпит поражение от Японии и растеряет большую часть своих великодержавных амбиций...

Адмирал Фишер в ответ скептически фыркнул.

– И в тот момент, когда вместо поражений Россия стала одерживать одну победу за другой, вы, сэср Артур, запаниковали и наделали глупостей, вроде покушения на русского царя и попытки нападения на русскую территорию, последствия которых теперь крайне трудно устранить...

Немного помолчав, адмирал Фишер добавил:

– Знаете, сэср Артур, сразу после своего назначения на нынешнюю должность я имел аудиенцию у Его Величества короля Эдуарда, и он сказал, что ему очень не нравится, что его правительство – то есть вы, джентльмены – оказалось

замешанным в ту позорную историю с заговором по убийству русского царя. И не только потому, что предполагаемая жертва покушения по странному совпадению приходится ему родным племянником. Совсем нет. Жизнь любого из помазанников божьих священна, и тот, кто покушается на одного монарха, покушается и на остальных. Ведь в эти игры можно играть с двух сторон сразу...

– Но, сэръ Джон, – сдавленно проговорил Гёнри Пётти-Фицмóрис, – в данном случае имело место потустороннее вмешательство. Мы считали, что имеем право на экстраординарные меры, чтобы восстановить статус-кво...

Джон Арбенотт Фишер на мгновение прикоснулся рукой к груди – там, во внутреннем потайном кармане, лежало полученное им несколько дней назад довольно откровенное письмо, подписанное Р. Р. Odintsov. Написано и отправлено оно было еще задолго до эпического провала набег адмирала Ноэля на острова Эллиотта, но это ничего не меняло. Автор этого послания предвидел и сам этот набег «при первом же удобном обстоятельстве», и то, что в итоге последовавших за ним разборок адмирал Фишер будет назначен первым адмиралтейским лордом. Единственной ошибкой мистера Одинцова было только то, что адмирал Ноэль выплыл целым и невредимым прямо в руки своим пленителям, вместо того, чтобы упокоиться на дне Желтого моря. Ну и черт с ним! Это в любом случае ничего не меняет. Самое главное, что описанный в письме сценарий развития со-

бытий был весьма вероятен, и при этом очень активно не нравился адмиралу Фишеру. Не нравился этот сценарий и человеку, написавшему это письмо¹. Это давало надежду на то, что совместными усилиями им удастся как-нибудь вывернуться из весьма неприятной ситуации².

– Сэр Генри, – ехидно произнес адмирал Фишер, – ваши экстраординарные меры только ухудшили ситуацию. Вместо того чтобы попробовать понять пределы могущества противостоящей вам силы, вы бросились на нее в неподготовленную атаку и потерпели поражение. Впрочем, Его Величество считает, что от той истории с господином Савинкофф ущерб нашей репутации был минимальным. Ведь у него нет никаких доказательств, что тот самый мистер Доу **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** представлял правительство Его Величества. Глупость, которую по приказу моего предшественника отчебучил адмирал Ноэль, гораздо серьезнее. Там и доказывать ничего не надо, все и так налицо. Меня потому и назначили первым лордом Адмиралтейства, что, будучи главнокомандующим в Портсмуте, я никоим образом не мог иметь отношения к этой аванюре. Великобритания в опасности, и вы сами вызвали на ее голову эту бурю. Подумайте об этом, джентльмены...

¹ Только вот адмирал Фишер пока не знал, что тот не собирается идти на тесное сближение с Великобританией и вступать в антигерманский союз, а предпочел бы, чтобы Россия находилась на равном удалении от всех основных европейских игроков.

² Адмирал Фишер находился на довольно короткой ноге с королем Эдуардом.

– Хорошо, сэр Джон, – сказал британский премьер, вставая, – мы подумаем об этом, как и о многом другом. Хотя, сказать честно, вы все же не смогли убедить нас в своей правоте. Поэтому тоже позвольте дать вам совет. Вы лучше решайте свои военно-морские вопросы по защите интересов Великобритании на морях, а политику и выбор союзников позвольте определять тем, кто в этом разбирается лучше вас. На этом желаю всего наилучшего...

Произнеся это, премьер-министр нацепил на голову шляпу-котелок, взял трость и покинул каминный зал в полной уверенности в своей святой правоте. Следом за ним вышел Гэнри Пётти-Фицморис и, наконец, последним на выход собрался Джон Арбенотт Фишер, с иронической усмешкой на губах.

Существовать кабинету Артура Бальфура оставалось несколько дней. В результате последних событий Парламент просто клокотал от ярости, и даже собственная фракция отказала премьеру в лояльности. А кому же понравится терять эскадры в мирное время, причем при санкционированной Правительством попытке неспровоцированного нападения на территорию равновеликой мировой державы? Это вам не Британия сто пятнадцать лет спустя с безумной непотопляемой премьершей Терезой Мэй и бесконечными дебатами в парламенте по поводу того, насколько виноваты русские и лично Путин в том, что Британии теперь необходимо выходить из Европейского Союза. Тут все проще и одновремен-

но сложнее; и поэтому власти в Британии в ближайшие дни предстояло в корне измениться. А там кто знает, как лягут карты... Все может быть.

* * *

21 июня 1904 года, утро. Великое Княжество Цусимское, дом в окрестностях Такесики, занятый Её Императорским Высочеством для собственных нужд.

Великая Княгиня Ольга Александровна Романова.

Уже неделю я живу в маленьком³ японском домике, кушаю из маленьких тарелочек традиционные японские блюда и пью из маленьких чашечек традиционный японский зеленый чай. Прислуживает мне пожилая японская пара и их взрослая дочь, ни слова не понимающие по-русски и лишь чуточку понимающие по-английски. Глава семейства, господин Иида Окуто, служит за садовника и привратника, его жена, госпожа Хиро, стряпает на кухне, а дочь по имени Мисаки убирает в доме и помогает моей горничной Асе и ее помощнице кореянке У Тян. Теперь каждый вечер Мисаки и У Тян макают меня в японскую ванную офуро (представляю-

³ Маленьким этот дом на Цусиме был только по сравнению с петербургским домом Великой княгини, подаренным ей братом Николаем по случаю свадьбы. Одних только слуг в том доме было двести человек, включая восемь шоферов для восьми автомашин, которые тогда только-только начали входить в моду.

щую собой дубовую бочку, наполненную крутым кипятком, настоящим на травах), после чего кладут на массажный стол и, смазав все тело ароматическим маслом, в четыре руки начинают мять наподобие того, как русская баба старательно месит тесто на пироги. Во время самой процедуры все это кажется ужасной пыткой, но потом легкость в теле образуется просто восхитительная, и засыпаю я как младенец, зачасую прямо во время вечернего чтения с книжкой в руках.

Из сбивчивых невнятных объяснений моих временных слуг я поняла, что двух их сыновей сожрала беспощадная война, как и жениха девушки Мисаки. И это не единственная семья на острове, понесшая такие горестные потери. Но они не винят меня и других русских в постигших их несчастьях. Ведь Япония сама напала на Россию, поэтому и причина бед простых японцев находится не в Петербурге, а в Токио; но я все равно по-человечески выразила им свое соболезнование. Они же не виноваты в том, что их правительство начало эту войну. Впрочем, я признаю и правоту моего Александра Владимировича, который говорит, что когда прямо напротив тебя стоит жестокий враг с оружием наизготовку, то ты сначала должен его убить, а лишь потом думать об абстрактном гуманизме. В человека этот враг превратится только тогда, когда бросит наземь оружие, поднимет вверх руки и взмолится о пощаде. А пока враг не сдался – его следует уничтожать самыми беспощадными способами. Не мы начали эту войну, но нам ее заканчивать.

С другой стороны, можно было бы сказать, что простым русским мужикам и бабам тоже не нужна ни Маньчжурия, ни Корея, ни база нашего флота в Порт-Артуре. Но это впечатление обманчиво. Павел Павлович, к которому я ежедневно хожу на занятия по практической политике, поясняет, что те, кто не хочет воевать за Порт-Артур и Сеул, скоро будут иметь проблемы с японцами под Читой и Хабаровском, а потом и жестокую междоусобную свару между собой. Поскольку глобализация – процесс естественный и объективный, то уж лучше мы, русские, будем в нем активной составляющей, а японцы пассивной, а не наоборот. К тому же Российская империя, в отличие от остальных, никак не делит своих подданных по сортам. Крестись, служи, приноси пользу – и никто даже не вспомнит о том, какого ты роду-племени. Вот так и с цусимскими японцами – мой Александр Владимирович сразу предложил им выбрать: либо они принимают присягу на верность Цусимскому княжеству и Российской империи и остаются; либо берут столько, сколько смогут унести на руках, и уезжают на территорию Японии, где их никто не ждет.

Большинство местных жителей решили остаться и связать свою жизнь с Великим княжеством Цусимским и Российской империей. Такое же решение приняла и семья господина Иида, обслуживающая мое временное жилище, и я за них очень рада. Теперь они тоже будут моей заботой как будущей государыни; ведь помимо того, что, по словам Павла Павловича, мне предстоит стать Императрицей Всероссий-

ской, по мужу я буду Великой княгиней Цусимской... И тут в связи с этим возникает еще один вопрос: люблю ли я своего Александра Владимировича, или он мне просто по-детски нравится, как полная противоположность моему теперь уже бывшему так называемому супругу?

Быть может, я вижу в нем не своего будущего мужа, а всего лишь Защитника и Оберегателя, этакое продолжение дорогого Папа, который трагически умер, когда я была еще ребенком. Ведь в присутствии этого человека меня не охватывает любовная лихорадка, как ее описывают в романах, не тянет сорвать с себя одежды и отдаться любимому целиком и полностью. Просто когда мы с ним встречаемся, мне сразу становится тепло и спокойно, как будто от невзгод этого ужасного мира меня отделяет несокрушимая каменная стена. Так же, как и Папа, Александр Владимирович крайне скуп на слова. Когда мы встречаемся для прогулок над морским берегом, то говорю в основном я, а он только слушает, лишь иногда вставляя редкие, но очень веские замечания. Но зато каждое из этих его слов для меня воистину на вес золота. Поэтому вопрос о нашей любви надо отложить на потом, на тот момент, когда таинство венчания соединит нас перед Богом и людьми; и вот тогда больше ничем не сдерживаемая страсть имеет все шансы полыхнуть во мне подобно степному пожару...

И самый главный вопрос: любит ли меня мой жених? Что если наш будущий брак для него всего лишь часть карьеры?

Все же, наверное, нет – для этого Александр Владимирович слишком искренен. Порой мне кажется, что ему глубоко безразлично мое положение и я нравлюсь ему просто как человек... а иногда меня все же охватывают сомнения – не совершаю ли я ошибки, второй раз вступая в брак с чужим мне, собственно, мужчиной... Обычно такие вопросы мучают меня на сон грядущий, когда я остаюсь наедине с каким-нибудь душещипательным французским романом. Но потом, когда наступает утро, все сомнения рассеиваются вместе с ночным мраком, а встреча с Александром Владимировичем во время общего обеда в доме Павла Павловича и вовсе всякий раз становится для меня настоящим праздником...

А еще я снова много рисую – как интерьеры моего японского домика, так и окрестные пейзажи, которые значительно более живописны, чем та местность, что окружала нас на островах Эллиота. Так как из-за своей службы мой Александр Владимирович не может постоянно сопровождать меня во время прогулок с мольбертом, он выделяет мне сопровождение из своих солдат морской пехоты. Иногда это бойцы из старого, как он говорит, состава (то есть те, кто вместе с ним пришел к нам из будущего), а иногда и мои современники. Беседуя с первыми, я познаю Россию будущего, ведь она не исчерпывается такими людьми, как Павел Павлович, Дарья Михайловна и мой Александр Владимирович; а разговаривая со вторыми, я узнаю свою Российскую империю такой, какой она видится простым солдатам и матросам. С

новой стороны узнаю я и своего будущего мужа – солдаты много рассказывают о своем командире, о его силе, ловкости и, самое главное, о том, что он болезненно честен и справедлив, и никогда никого не наказывает без самого тщательного разбирательства.

Потом, когда я стану императрицей, все это мне очень сильно пригодится, но я уже понимаю, какой титанический труд собираюсь взвалить на свои плечи. Но другого выхода просто нет – мы или победим, или снова будут великие бедствия, и Российская империя опять прекратит свое существование в этом мире...

* * *

22 июня 1904 года, за час до полудня. Царское Село, Александровский дворец.

Капитан первого ранга Иванов Михаил Васильевич.

Сегодня Николай попросил меня присутствовать во время его разговора с британским послом, который напросился на аудиенцию у русского монарха, несмотря на пелену траура, опустившуюся над Царским Селом. Хотя в последнее время я стал замечать, что эмоциональное состояние Николая выравнивается и он все чаще скорее имитирует траурные настроения, чем безудержно скорбит по безвременно усопшей супруге. Такое впечатление, что теперь для него этот траур

стал способом избегать докучливых посещений разного рода дальних и ближних родственников, министров, дипломатов и прочих нежелательных лиц, по разным причинам вхожих в царское окружение.

Особо суетился небезызвестный Сергей Юльевич Витте – некогда всесильный министр финансов, а сейчас задвинутый на ничего не значащую должность Председателя Комитета Министров. До первой русской революции всеми делами Николай предпочитал рулить сам, и старший над министрами нужен был ему только до галочки и по привычке, ибо сия должность была заведена еще царем Александром Первым, в далеком 1802 году. Вот и господин Витте решил, что раз уж у царя траур и он как бы не в себе, то все дела пойдут через него. А вот фиг ему поперек бородатой рожи. Все дела шли своим чередом, и если что-то было не так, Николай не устраивал своему министру нахлобучку, а отправлял ему короткую записочку.

Манкировать царскими поручениями, как прежде, было чревато для здоровья и карьеры. Царские поручения, все до единого, находились на контроле в СИБ, и в случае их неисполнения в срок к проштрафившемуся министру являлся безукоризненно вежливый следователь в отглаженном мундире и осведомлялся: «а в чем, собственно, дело?». А за следователем уже маячила Петропавловка, военно-полевой суд по сокращенной процедуре и этап на Сахалин. Места в этой системе Сергею Юльевичу уже не было, но вот вопрос его от-

ставки или чего похлеще отодвигался на начало нового царствования, где новая метла под корень выметет весь залежавшийся мусор.

Но вернемся к британскому послу. Его Превосходительство Досточтимый сэръ Чарльз Гардинг был одним из немногих, допущенных до личной встречи с русским монархом. Французского посла Бомпара, например, заворачивали еще на дальних подступах к Царскому селу – по той простой причине, что вопрос русско-французских отношений мы пока тоже откладываем на начало нового царствования. Ну нет у нас с французами таких кровавых побоищ и скелетов в шкафу, как с британцами, а о вопросах кредитов, выданных французскими Ротшильдами на поддержание российского золотого стандарта, и общего французского чрезмерного хитроумия можно поговорить и попозже.

Сэръ Чарльз был моложавым подтянутым мужчиной среднего роста и, с позволения сказать, средней британской внешности. Если бы не пышный посольский мундир, так я бы ничего и не подумал. Клерк как клерк. В армии или на флоте на протяжении своей карьеры этот человек не служил, но видно, что для поддержания формы на любительском уровне он регулярно занимается боксом, фехтованием и верховой ездой. Увидев, что Николай собирается принять его не один, сэръ Чарльз хмыкнул и измерил меня взглядом с ног до головы, после чего кивнул. Видимо, британского посла в полной степени удовлетворили флотский мундир,

погоны капитана первого ранга, а самое главное, орден Святого Георгия четвертой степени в петлице, которого я был удостоен за лихую «кавалерийскую» атаку в сражении под Порт-Артуром, когда мы вместе с Карпенко пускали на дно Желтого моря Объединенный флот адмирала Того.

– Ваше Императорское Величество, – с занудной интонацией начал говорить посол, раскрывая принесенный с собой бювар, – я, конечно, уважаю ваше горе, но моя должность обязывает меня донести до вас то возмущение, которое правительство Его Величества испытывает после кровавого инцидента в Желтом море, когда без всяких законных причин были потоплены корабли британского королевского флота и убиты многие храбрые моряки. Правительство Его Величества требует проведения расследования, возмещения материальных убытков и строжайшего наказания виновных в этих бессмысленных и не нужных никому смертях. В противном случае правительство Его Величества оставляет за собой право для принятия мер, необходимых для организации наказания виновных и возмещения ущерба...

Некоторое время Николай молча разглядывал стоящего напротив досточтимого сэра Гардинга, будто тот был диковинной говорящей зверушкой, вздумавшей читать нотации русскому царю. Британец, похоже, и сам осознавал неуместность своего демарша, а потому постарался отгарабанить его сухим тоном, чтобы поскорее покончить с этой неприятной обязанностью и забыть о ней.

– Слышишь, Михаил Васильевич, ну разве не наглость?! – после продолжительной паузы по-русски с возмущением произнес император. – Ущерб им возместит, виновных накажи...

– Ваше Императорское Величество, – ответил я (тоже по-русски), – ничего особенного, просто британцы, в силу своего долгого доминирования на морях, ощущают себя мировыми владыками и абсолютно исключительной нацией. И будет это продолжаться ровно до того момента, когда мы, русские (может, вместе с немцами и французами, а может, по отдельности) не возьмемся за это дело всерьез и не начнем ставить на место этих зазнавшихся наглецов. Но объяснять этого сэру Чарльзу сейчас не надо. Все равно не поймет. А на наглость требуется отвечать наглостью. Поэтому просто скажите, что наше правительство в любой момент готово передать дело адмирала Жерара Ноэля следственным органам Великобритании, лучше всего специальной парламентской комиссии. Но при этом, мол, мы пока еще не решили, какую компенсацию необходимо истребовать от британской короны за подготовку неспровоцированного нападения на мирное русское поселение и чрезмерную трату боеприпасов при отражении оногo. А если правительство Его Величества вдруг вздумает привести свои угрозы в жизнь, ему придется убедиться, что раньше все было не так уж и плохо; и теперь чем дальше, тем будет страшнее и страшнее.

– Однако, Михаил Васильевич, – покачал головой импе-

ратор, – не слишком ли сильно для начала?

– Не слишком, – ответил я, – войны британцы точно не хотят. В противном случае вместе с этим визитом мы бы уже имели признаки мобилизации флота Канала, чего нет и в помине. На месте остается и Средиземноморский флот на Мальте – а это значит, что Британская империя к серьезному обострению отношений не готова. Попытка набега на Эллиоты, как выяснилось, встревожила почти все государства, имеющие прибрежные территории. Такого беспардонного грабежа одного государства другим, причем без объявления войны, пожалуй, не было со времен Дрейка и Моргана. Вольно или невольно, но британцы поставили вопрос так, что теперь не имеют значения ни государственный суверенитет, ни международное право, а вместо этого господствует право сильного брать все, до чего дотянутся руки. Не каждое же государство сможет поставить в засаду возле внешне беззащитной приманки пару малых ракетных кораблей и атомную подводную лодку...

– Да уж, Михаил Васильевич, – вздохнул Николай, – можете считать, что вы меня убедили, неприглядная получается картина. А мы-то тут старались. Гаагские конвенции, всеобщее разоружение, гуманизм и милосердие...

– А ведь такой итог можно было предусмотреть заранее, – ответил я, – ведь при всей своей просвещенности, британцы Гаагские конвенции так и не подписали. И все потому, что они считают себя выше всех остальных дураков, которые са-

ми связывают себе руки ненужными ограничениями и условностями. Но что вы хотите – нация пиратов, как-никак...

Все время, пока мы с Николаем непринужденно общались по-русски, британский посол, переводчика которого оставили за дверью, только недоуменно крутил головой и хлопал глазами. Признаюсь, была в этом доля эдакого изящного хамства, когда два варвара нагло сговариваются прямо перед лицом джентльмена, а тот не может понять ни словечка. Восхитительное удовольствие! Я видел, что и Николай испытывает схожие чувства. Этот тридцатилетний мужчина, Хозяин Земли Русской, отец четырех дочерей и вдовец, до сих пор в чем-то оставался мальчишкой, которого забавляют такие пикантные ситуации.

Но вот Николай закончил разговор со мной и повернулся в сторону британского посла.

– Мистер Гардинг, – сказал он, – Мы крайне возмущены теми требованиями, которые ваше правительство выдвинуло по отношению к Российской Империи и вассальному Нам Великому княжеству Цусимскому, которое находилось в своем праве, защищая своих людей и данную им в аренду территорию от внезапного и неспровоцированного нападения эскадры британского королевского флота. Впрочем, сразу по завершению следствия по этому вопросу Мы в любой момент готовы передать адмирала Ноэля в руки властей Великобритании. Как я слышал, в вашем парламенте уже образована специальная комиссия по расследованию причин

этого инцидента, и наверняка господам депутатам будет интересно послушать откровения человека, который чуть было не развязал войну между Российской и Британской империями. Что касается компенсации, то Мы еще не знаем, какую сумму истребуем для окончательного улаживания этого инцидента с разбойничьим нападением вашего флота на русское поселение, в котором, между прочим, находились члены императорской фамилии. И не советую вашему правительству претворять в жизнь свои угрозы, потому что наш ответ на враждебные действия может вас пренеприятно удивить. А теперь ступайте, мистер Гарднинг, аудиенция закончена.

В ледяном молчании выслушав все, что ему имел сказать русский монарх, британский посол развернулся и, гордо задрав голову, вышел прочь из гостиной, где происходил прием. Едва за ним закрылась дверь, Николай, снимая напряжение и усталость, провел ладонями по лицу, после чего посмотрел на меня и сказал:

– А вот теперь, Михаил Васильевич, я хочу как можно подробнее побеседовать с вами по поводу только что затронутых вопросов. Пусть я в самом ближайшем будущем собираюсь отойти от дел, после чего все политические проблемы перейдут к моему преемнику, но мне не все равно, что случится с Россией, потому что я и дальше собираюсь жить в этой стране, и в ней же будут жить мои дети и внуки...

– Хорошо, Ваше Величество, – кивнул я, – спрашивай-

те. Но только сначала давайте пойдем прогуляемся по парку, а то тут во дворце как-то неуютно говорить на такие темы. Слишком много лишних ушей...

* * *

Полчаса спустя, Царское село, Александровский парк за Детским прудом.

Капитан первого ранга Иванов Михаил Васильевич.

Хорошо тут, в парке: солнышко сквозь ветви деревьев светит, птички поют, рыбки в пруду плещутся (делать им больше нечего), а возможным шпионам иностранных держав остается только издали следить за нами с Николаем завистливым взглядом. Хотя ни о каких особых тайнах речь не идет. Любой, кто знает местную действительность, а также имеет на плечах голову, а не тыкву для Хэллоуина, способен додуматься до этих истин самостоятельно. А интересовал Николая вопрос простой, но в то же время крайне важный. Кому на Руси... тьфу ты, с кем России лучше дружить, чтобы потом не было мучительно больно по причине каких-нибудь подстав и предательств. Как, например, в нашей истории, когда за спасение Парижа от немцев в четырнадцатом году два с половиной года спустя французы отдарились царю Николаю Февральской революцией, а еще полтора года сверх того – Ипатьевским подвалом и Ганиной ямой. И правильно:

не надо быть таким рохлей, а самое главное, надо грамотно выбирать себе союзников. А то выберешь, а он окажется хуже злейшего врага, чтоб ему пусто было.

– Значит, так, ваше Величество, – вежливо объяснял я, – конфигурация в Европе на сегодняшней день такова, что первосортных держав, которым по силам проводить полностью самостоятельную политику, там имеется всего три штуки. Это Россия, Германия и Британия... На Францию не смотрите. Так же, как и Турция с Австро-Венгрией, это держава второго сорта, для своего существования нуждающаяся в союзнике-покровителе. Без такого защитника держава второго сорта находится под угрозой уничтожения со стороны одного из своих сильнейших соседей. Для Франции защитником является Россия, а угрозой Германия, для Австро-Венгрии все наоборот: Германия – защитник, а Россия угроза; для Турции же исторически защитником является Франция и отчасти Англия, а угрозой – Россия. Прочие государства, как и родина вашей маман Дания, в грядущей мировой схватке стремятся остаться нейтральными, и на политической карте являются не более чем статистами. Итак, самый нежелательный вариант – это когда вся объединенная Европа, включая и статистов, идет на нас войной во имя вечных британских интересов. Что-то подобное Россия пережила в 1812 году, когда вместе с Наполеоном сюда заявили все нации Европы, кроме англичан... Мы, конечно, отобьемся, но крови при этом прольется море. Нам придется под ко-

речь уничтожить армию вторжения, а потом явиться в Европу и объяснить местному населению, как жестоко оно было неправо...

– Такой союз – всех со всеми – попросту невозможен, – возразил Николай, – для того, чтобы загнать Францию и Германию под одну крышу, не хватит никакого британского хитроумия.

– Ну это как сказать, – ответил я, – в нашем мире во второй половине двадцатого и начале двадцать первого века эти два государства прекрасно уживались в одном военном союзе под эгидой американцев. Ничего личного, просто к тому моменту вся Европа, включая Германию и Британию, оборотилась во второй сорт, а державами первого сорта остались исключительно Североамериканские Штаты, Китай и Россия...

– Китай? – удивился император.

– Да, Китай, – ответил я, – это вообще-то очень старая этнополитическая структура, которая существовала еще в те времена, когда не было и в помине никакого древнего Рима, и которая, скорее всего, будет существовать и тогда, когда камни Европы распадутся в пыль. Но сейчас это неважно. Важно, что объединение Европы – исключительно для того, чтобы уничтожить Россию – вполне возможно, нужен только повод, вызывающий ненависть всех европейцев, или же харизматичный военный вождь вроде Наполеона или Аттилы. То, что это действительно так, показало не только НАТО на-

шего мира, но и случившийся четверть века назад Берлинский конгресс, на котором у России без единого выстрела отобрали плоды ее победоносной войны с Турцией.

– Михаил Васильевич, – с сомнением произнес Николай, – сейчас вы говорите прямо как мой Папа, который постоянно утверждал, что у России более нет никаких союзников, кроме ее армии и флота.

Я кивнул, соглашаясь, и произнес:

– Ваш отец, император Александр III, царствие ему небесное, был умнейший человек, хоть и не получил необходимого Наследнику формального образования. Но не в дипломах счастье. Самое главное, он совершенно точно понимал, что искренних союзников у Российской империи нет и быть не может, а с неискренними связываться – себе дороже. Упаси вас Боже воевать за чужие интересы – например, за возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, или же во имя интересов банкиров Лондонского Сити. Впрочем, с германскими промышленниками тоже связываться не стоит, ибо чревато. России необходимо занять в Европе такую позицию, чтобы остальные игроки оказались от нее равноудалены, а ее совокупная экономическая и промышленная мощь была сопоставима с мощью всей Европы. А самое главное – необходимо как можно дольше оттягивать начало будущей мировой войны, чтобы успеть подготовиться к ней наилучшим образом.

– Михаил Васильевич, – почти воскликнул Николай, – а вы точно уверены, что эта обещанная вами война все-таки

произойдет, а не останется одним из тех случайных событий, которые произошли в одном мире и не произошли в другом? Ведь этот эрцгерцог Фердинанд и его убийца из сербов Гаврила Принцип могут банально не встретиться, или один из них умрет до покушения, и так далее и тому подобное...

– Первая мировая война, ваше императорское величество, – ответил я, – произошла отнюдь не из-за Гаврилы Принципа. Убийство эрцгерцога Фердинанда – это не причина, а повод. Настоящей причиной стал тот факт, что мир к началу двадцатого века оказался плотно поделен ведущими державами. При этом не осталось ни одного сколь-нибудь ценного свободного клочка земли. И даже покрытая льдами Гренландия записана как датское владение. Осталась только Антарктида – но она слишком далеко, а по своей ценности даже хуже чем Гренландия. Чтобы можно было увеличить норму прибыли державам первого класса теперь уже недостаточно грабить свои колонии и статистов. Им нужно сцепиться в жестокой схватке, чтобы выяснить, кто из них уцелеет, а кто станет кормом для победителей. России от этой свары необходимо держаться подальше, но при этом находиться в полной готовности вступить в войну и одержать в ней победу. Других вариантов у нас нет, как и друзей в Европе.

– Ну хорошо, – чуть подумав произнес Николай, – хоть это будет уже не моя забота, но я понимаю ход ваших рассуждений. Теперь скажите, пожалуйста – как вы относитесь

к идее господина Ульянова и других подобных ему революционеров?

– Идеи сами по себе, – ответил я, – ничего не значат. Важно их наполнение конкретным содержанием, а также то, какие люди встают под знамена вождей. За идею абстрактной справедливости, между прочим, страдал еще сам Христос. Во времена моей молодости на эту тему бытовал такой стишок: «Создавая партии и классы, лидеры никак не брали в толк, что идея, брошенная в массы – это девка, брошенная в полк»...

– Да уж, Михаил Васильевич, – поморщился Николай, – вполне яркая аналогия. Но все же вы не ответили на мой вопрос ни да, ни нет...

– Социальный механизм Российской империи, – честно сказал я, – нуждается в чистке, смазке и капитальном ремонте. Но при этом совсем не обязательно сносить его до основания, чтобы затем начать строить все заново. И в любом случае заниматься социальными преобразованиями должны люди, которые и дальше собираются жить в России со всем своим потомством, а не те, для которых она всего лишь хворост в костре или питательный субстрат для нечистоплотных экспериментов. Но в любом случае для того, что Российская Империя могла выжить и развиваться, необходимо в кратчайшие сроки значительно увеличить благосостояние большинства ее населения и сделать отношения внутри нее более справедливыми. Почитайте отчеты военного ведомства о

том, скольких рекрутов им приходится специально откармливать, чтобы они могли нормально нести службу, и сколько из них только в казарме впервые в жизни поели досыта... Постоянные неурожаи, которые велено именовать недородом, голод, нищета, крестьянские хозяйства, истощенные полувековыми выкупными платежами и, как и две тысячи лет назад, живущие натуральным существованием, нехватка пахотных земель и в то же время богатейшие черноземы, лежащие втуне в Сибири и Туркестане. Не стоит забывать и о рабочих, особенно о неквалифицированных, еще буквально вчера пришедших из деревни. Наши заводчики и фабриканты относятся к ним хуже, чем к скоту, ибо за скот плачены деньги, а рабочий достается хозяину бесплатно. Довольно неплохие законы не работают, потому что инспектора по труду входят в сговор с владельцами предприятий и закрывают глаза на многочисленные нарушения. Задача фабрикантов – платить поменьше, а выжимать побольше. Все это приводит к слабому покупательскому спросу, который, в свою очередь, бьет по экономике. Платежеспособный спрос так низок, что готовые изделия выгоднее везти из-за границы, чем производить внутри страны, из-за чего страдает промышленное производство. Так, например, случившийся два года назад кризис был связан с тем, что правительство выполнило закупки по планам строительства Великого Сибирского пути и Кораблестроительной программы для нужд Дальнего Востока, и после этого спрос на сталь сразу упал в два раза, что по

цепочке отозвалось на всех остальных производителей.

– Да уж, – вздохнул Николай, – все это так сложно, что у меня просто голова идет кругом. Надеюсь, что сестрица Ольга окажется значительно умнее меня и сможет разобраться в нагромождении этих авгиевых конюшен, не призывая на помощь Геракла с динамитом. А теперь давайте поговорим о чем-нибудь приятном. Расскажите о том, каково это – летать в небесах и видеть землю с высоты в десяток верст?

* * *

24 июня 1904 года. 10:05. Япония, Токио, Дворец императора «Кодзё».

Присутствуют:

Император Муцухито;

Премьер министр – генерал Кацура Таро;

Министр иностранных дел – барон Дзютаро Комура;

Министр армии – генерал Тэраути Масатакэ;

Министр флота – адмирал Ямамото Гомбей;

Политик, дипломат и экс-премьер – маркиз Ито Хиробуми.

По японскому обыкновению, проводя совещание с министрами, император должен был молча выслушивать их речи, и только в конце вставлять заключительное слово. Но сегодня привычный порядок был нарушен с первой же минуты.

Император, не поворачивая головы, обвел своих министров тяжелым взглядом. Затем медленно, делая отчетливые паузы между словами (чтобы те падали будто тяжелые камни в гладкий от безветрия пруд), произнес, обращаясь к премьер-министру:

– Господин Таро, не вы ли полгода назад убеждали меня в том, что грядущая война с Россией будет стремительной и победоносной, и, самое главное, что мы победим длинноносых западных варваров, понеся при этом минимальные потери? И где теперь эта победа?

Премьер-министр Кацура Таро тут же вскочил с циновки и склонился перед императором в низком поклоне.

– Божественный Тэнно, – произнес он глухим от волнения голосом, – наши армия и флот, осененные милостью богини Аматерасу, в течении первых полутора месяцев войны одерживали одну победу за другой, и только появление подводных демонов, вызванных колдовством русских из глубин их преисподней, превратило нашу грядущую победу в безусловное поражение, ибо ни один смертный не в силах бороться со сверхестественными существами. Наши солдаты и моряки храбро сражались, но немилосердная Каннон не даровала им победы...

– Да, господин Таро, – ледяным тоном подтвердил император, – именно так! В результате затеянной вами войны мы потерпели поражение на море. Наш флот лежит на дне, а большая часть с таким трудом обученных моряков погибла.

На суше нас тоже преследовали неудачи. Враг разгромил нашу армию, большая часть которой погибла или попала в плен, а уцелевшие, в беспорядке отступают к Сеулу. Более того, в результате дерзкой десантной операции русских мы потеряли Цусимские острова, на которых те по праву завоевания немедленно провозгласили Великое княжество Цусимское, сразу же отдавшееся под покровительство Российской империи...

– Божественный Тэнно, – вскочил со своего места и склонился в поклоне барон Дзютаро Комура, – нам стало достоверно известно, что провозглашение Великого княжества Цусимского – дело рук владыки демонов, который притворяется обычным западным варваром и называет себя господином Павлом Одинцовым. Его мало кто видел, русские берегут своего покровителя от посторонних, но известно, что именно он и подчиненные ему демоны руководят действиями русского императора...

Губы императора Муцухито сложились в тяжелую саркастическую усмешку.

– Господин Комура, – сказал он, – а что, если предположить, что не существует никаких демонов или прочих сверхъестественных существ, а вместо того мы имеем дело с обычными людьми, у которых, правда, есть некоторые необычные свойства? Я думаю, что нам противостоят не всемогущие создания, равные богам, а люди из мяса и костей, пришедшие из какого-то другого, гораздо более жестокого

мира, а потому превосходящие вас всех умом, быстротой реакции и жизненным опытом. Нет позора в поражении от неуправляемой стихии: тайфуна, цунами или сотрясения земли. Нет позора и в том, чтобы оказаться разбитым в результате божественного промысла, когда сами боги не желают тебе победы. Но гораздо хуже не отличить сверхъестественного противника от обычного, а опытного воина от крестьянина-неумехи. Злосчастная война, которую четверо из сидящих передо мной пять месяцев назад начали ради быстрых побед, увеличения веса Японии на мировой политической арене и скорейшего присоединения Кореи, обернулась тяжелыми поражениями, невосполнимыми потерями и несмыслимым позором от вероломного нападения еще до объявления войны. Что же касается Кореи, то теперь она от нас еще дальше, чем до того как прозвучал первый выстрел. По итогам мирных переговоров она, скорее всего, отойдет в сферу влияния России, так же, как и Манчжурия с Ляодунским полуостровом. Но и это еще далеко не все. В результате вашей политической авантюры враг взял в плотную блокаду острова Метрополии и теперь грозит им вторжением. Господин Комура, можем ли мы при всем при этом надеяться на помощь извне?

Министр иностранных дел согнулся перед своим повелителем в еще одном низжайшем поклоне.

– Божественный Тенно, – ответил он, – в настоящее время надеяться на помощь извне не надо, потому что все дружес-

ственные нам державы заняты сейчас своими проблемами. Что касается наших самых ближайших союзников-англичан, то они при попытке нападения на нашу бывшую маневровую базу на островах Эллиота тоже потерпели поражение от демонов, то есть людей из другого мира. После потери дислоцированной в этих водах эскадры адмирала Ноэля у них теперь нет ни сил, ни желания вмешиваться в нашу войну с русскими.

Император на некоторое время погрузился в мрачное молчаливое размышление. Но это продолжалось недолго. Приняв определенное решение, он окинул сидящих перед ним сановников тяжелым взглядом, который не предвещал им ничего хорошего.

– Значит, так, господа, – сказал Муцухито, – результаты проводимой вами политики меня крайне разочаровали. Сейчас с вашей стороны мне нужны уже не объяснения и обещания все исправить, а принесенные по всей форме извинения. Если вы все еще настоящие японцы и истинные самураи, а не западные варвары, то вы меня прекрасно поняли. Ножи-кусунгобу и все необходимое для ритуала сэппуку имеется в соседней комнате. Там же находятся четыре молодых офицера, которые готовы выполнить обязанности ваших ассистентов и достойно завершить ритуал. Можете идти, богиня Аматерасу ждет вас. В ближайшее время мы назначим новый кабинет министров, который попытается хотя бы частично исправить то, что исправить уже в принципе

невозможно.

Увидев, что маркиз Ито Хиробуми начинает вставать со своего места вместе с приговоренными к самоубийству министрами, император Муцухито отрицательно покачал головой.

– А вы, дорогой маркиз, пожалуйста, оставайтесь, – сказал он, – все сказанное к вам совсем не относится. Вам не в чем извиняться, так как, в отличие от остальных, вы были давним и последовательным противником подобных авантюр.

Дождавшись, когда бывшие члены кабинета вышли из зала, император снова посмотрел на своего бывшего премьер-министра.

– Дорогой маркиз, – произнес Муцухито, – я знаю вас много лет как своего советника и наставника. Будучи противником разного рода военных авантюр, вы всегда предостерегали меня от слепого следования по пути меча. Сейчас меч сломан, а его путь завел нас туда, откуда, кажется, уже нет выхода. Поэтому нам следует взять в руки посох мудрости и следовать по пути мира и согласия.

– Божественный Тэнно, – склонился в поклоне Ито Хиробуми, – вы хотите отправить меня с миссией мира? Сразу должен предупредить, что победители, раздосадованные нашим внезапным и вероломным нападением, потребуют от страны Ниппон значительных территориальных уступок и наложат на нее тяжелые ограничения в торговле и военном деле. Русский император в ярости, и эта ярость жаждет кро-

ви. В Петербурге довольно сильна фракция, которая требует вдолбить нашу страну в каменный век, чтобы все видели, что нападение на Россию может привести к катастрофическим последствиям.

Император хмыкнул и ловко, как фокусник, извлек из внутреннего кармана своего императорского мундира большой белый конверт.

– Дорогой маркиз, – сказал Муцухито, передавая письмо Ито Хиробуми, – вы когда-нибудь слышали о господине Одинцофф?

– Да, Божественный Тэнно, – ответил бывший премьер, – если я не ошибаюсь, это самый главный из демонов, доставивших вашему величеству большую головную боль. Достаточно вспомнить погром в Токийском заливе, учиненный одним из них три месяца назад.

– Да, дорогой маркиз, – ответил император, – вы совершенно правы. Это совместное послание господина Одинцофф и Великого Князя Александра Михайловича, являющегося полномочным представителем моего царственного брата Николая, в Токио доставил германский пароход, который с разрешения русских властей должен вывезти из нашей страны подданных кайзера Вильгельма. Условия мира, изложенные здесь, действительны до первого июля, после чего терпение русских лопнет и они снова начнут действовать... Письмо написано на английском языке, которым вы владеете в совершенстве, так что читайте...

Вздохнув, маркиз вытащил из внутреннего кармана сюртука очки и погрузился в чтение, шевеля губами. Так продолжалось несколько минут. Потом Ито Хиробуми положил письмо на лаковый столик и вопросительно посмотрел на своего монарха.

– Да, дорогой маркиз, – подтвердил тот, – получив это послание, я решил, что раз уж наше поражение в войне с русскими неизбежно, то господин Одинцофф предлагает способ, следуя которому, мы могли бы выйти из этой неприятной ситуации с наименьшими потерями. Конечно, можно было бы поторговаться, но я не вижу в этом никакой цели. Русские ведь не собираются запретить нам колониальную экспансию, они всего лишь собираются направить ее в сторону от своих границ, а также подальше от Кореи и Китая. На Филиппинах и в Голландской Ост-Индии мы будем вольны делать все, что нам заблагорассудится. Впрочем, я это вам говорю только потому, что вам эти переговоры и вести, и только от вашего ума, красноречия и политической хватки зависит то, в какую сторону поменяются эти условия – в лучшую или в худшую.

– Тогда, – сказал Ито, – я должен как можно скорее оказаться на Цусиме, пусть это даже будет номерной миноносец под белым флагом, вышедший из Куре или Кобе, ведь других кораблей, насколько я понимаю, у Японии уже нет, а прибыть для переговоров требуется как можно скорее.

– Да, мой дорогой маркиз, – подтвердил император Му-

цухито, – вы понимаете все совершенно правильно. Отправ-
ляйтесь немедленно; и я надеюсь, что с вами прибудет ми-
лость богини Аматарасу Омиками, потому что я предвижу,
что вам придется заглянуть в ужасные бездны, недоступные
большинству смертных...

* * *

**26 июня 1904 года, около полудня. Великое Княже-
ство Цусимское, дом с видом на залив Асо в окрест-
ностях Такесики.**

Больше трех недель миновало с тех пор, как на Цусим-
ских островах отгремели бои и последние защитники-опол-
ченцы пали с бамбуковыми копьями в руках, пробитые пу-
лями и заколотые штыками русских трехлинеек. Впрочем,
местным бабам, ребятишкам, и вообще всем, кто не оказы-
вал сопротивления, стрелки дивизии генерала Кондратенко
и морские пехотинцы полковника Новикова не чинили ни
обид, ни притеснений. Не прошло и трех дней, как крестьяне
снова вышли на рисовые поля, а рыбацкие джонки в море.

Впрочем, на горячую любовь и лояльность местного насе-
ления ни Одинцов, ни Новиков особо не рассчитывали, по-
этому уже утром следующего дня с островов Эллиота под
защитой подводных лодок должен был подойти эвакуацион-
ный караван с обученным русско-корейским вспомога-
тельным персоналом, и тогда жизнь обещала окончательно нала-

даться. А пока капитан первого ранга Карпенко, осмотрев залив Асо, сказал, что из него выйдет прекрасная передовая база для крейсеров и подводных лодок. Но это в будущем, а пока тут, на якорной стоянке Озаки, с комфортом разместились вся русская Тихоокеанская эскадра. Крейсера выходили отсюда в блокадный дозор, пресекая доставку в Японию различных грузов, а броненосцы только мрачно дымили на рейде, будто чего-то выжидая.

Функционировала на острове и телеграфная станция, ранее, в качестве промежуточного звена, связывавшая между собой Японию и Корею. Телеграммы тут по-прежнему принимали, но дальше не передавали. Впрочем, после того как в Японии достоверно узнали, что Цусима захвачена русским десантом, попытки наладить через нее связь прекратились, и русские телеграфисты сидели на станции просто на всякий случай, при этом отчаянно скучая. С таким же успехом их можно было сажать у аппаратов, вообще не подключенных к телеграфу. Однако сегодня утром их тихое и спокойное сидение было нарушено телеграммой на имя Р. Р. Odintsov, поступившей по кабелю, приходящему из Японии. Это маркиз Ито Хиробуми извещал главного пришельца (демона) из иного мира о том, что он согласен прибыть на Цусиму согласно предварительных условий, выставленных Японией для проведения мирных переговоров.

Естественно, сразу после такого сообщения были отправлены радиogramмы Наместнику Алексееву в Порт-Артур, а

также царю Николаю и каперангу Иванову в Царское Село. Вообще-то телеграфировать в Петербург большой потребности не имелось, все полномочия по ведению подобных переговоров у Александра Михайловича уже были в наличии, но Павел Павлович Одинцов счел необходимым сообщить изнемогающему от нетерпения императору Николаю, что дембель уже близко, осталось совсем немного. Наместника же Алексеева проинформировали из простой вежливости и без излишних подробностей – слишком много вокруг него крутилось шпионов разных сопредельных держав, больше чем блох на бродячей барбоске.

После отправки телеграмм для последней сверки часов по вопросу переговоров с японским представителем на совещание собрался полный ареопаг, в который со стороны пришельцев входили Одинцов, Карпенко и Новиков, а со стороны Романовых, имеющих право принимать решения на месте – Великий князь Александр Михайлович и Великая княгиня Ольга. Великий князь Михаил Александрович при этом оставался единственным командированным на Дальний Восток Романовым, который из-за сложившихся обстоятельств не мог присутствовать на этой встрече. Правда, на Мукденской гауптвахте в настоящий момент полировали своими задницами нары два Владимировича – Кирилл и Андрей, но по их отсутствию никто не скорбел. Гораздо ценнее было то, что в совещании участвовал командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал Степан Осипович Макаров, обладаю-

щий немалым жизненным опытом и пользующийся доверием всех присутствующих.

Разговор начал Великий князь Александр Михайлович. Он обвел присутствующих внимательным взглядом и заговорил:

– Итак, господа, свершилось. Война, которую Японская Империя вероломно начала внезапным нападением на русские корабли в Чемульпо и Порт-Артуре, победоносно выиграна и на суше и на море, и теперь побежденный супостат просит у нас мира. Мы, честно говоря, рады, что все так обернулось, хотя и ожидалось, что для того, чтобы японский микадо взмолился о мире, потребуется еще несколько десантных операций против островных владений Японии и перенос боевых действий на территорию островов Метрополии...

– Вы, Александр Михайлович, – ответил господин Одинцов, – не забывайте, что японский император – это не фарфоровая кукла у вас на каминной полке, а один из умнейших мировых политиков на сегодняшний день. Можно сказать, что это японский Петр Великий, за уши вытащивший свою страну из феодализма, для чего ему пришлось выиграть гражданскую войну и основательно нагнуть собственную элиту. Думаю, что он все уже просчитал и пришел к выводу, что продолжение этой войны принесет его стране одни потери и ухудшение условий будущего мирного договора. При таких обстоятельствах войну стараются закончить как

можно скорее, ибо никаких надежд на ее выигрыш не остается.

– Павел Павлович, – добавил каперанг Карпенко, – думаю, что одной из причин, которая подвигла нашего японского оппонента на такое показное миролюбие, стало уничтожение находящейся в этих водах британской эскадры и совершенно невнятная реакция британцев на это событие. Джентльмены и хотели бы побушевать, защищая свое право на морской разбой, да только опасаются, что их не так поймут прочие мировые игроки, опасаящиеся стать следующими жертвами британских авантюр – всякие там французы, голландцы и германцы. Мало ли у кого на отдаленных островах завляется что-нибудь вкусенькое, позарез нужное британским джентльменам. Формирование военно-политической коалиции вокруг Российской империи – дело, конечно, маловероятное, но в случае излишней британской настырности вполне возможное. Вот и японский император тоже видит, что единственный союзник, к которому он мог обратиться за помощью, тоже поджал хвост. Вы, Павел Павлович, правильно сказали, что Муцухито умный человек и не будет испытывать судьбу, когда у него на руках ничего не значащий мусор, а у оппонента целое каре тузов.

– Бинго, Сергей Сергеевич! – воскликнул Великий князь Александр Михайлович, – думаю, что в данном случае вы совершенно правы – в том, что именно унижительное поражение британских зазнаек сделало японских макак таким сго-

ворчивыми. . .

– Скажите, Александр Михайлович, – с некоторой ленцой произнес полковник Новиков, – а восемнадцать лет назад в Нагасаки свою японскую, так сказать, «жену» вы тоже называли макакой, или все же у вас для нее было человеческое имя?

Великий князь хотел было вспылить, но на него крайне неодобрительно глянула Великая княгиня Ольга, да и господин Одинцов тоже поддержал своего коллегу-попаданца.

– Александр Владимирович совершенно прав, – жестким тоном произнес он, – пренебрежительное отношение к оппоненту никого еще не доводило до добра, так что давайте даже в мыслях будем избегать подобных выражений. Помнится, в самом начале войны эти самые макаки так вздули некоторых коекаков, что только белые брызги во все стороны полетели. А прежде ведь тоже были такие настроения, что, мол, шапками закидаем, никого в живых не оставим. А вышло то, что вышло. Позор и поношение седин. Кстати, поступили сведения и о вашей бывшей японской «жене». Самой ее, через восемнадцать-то лет, в живых уже нет, но осталась дочь Юкико, семнадцати лет от роду. И вот теперь готовьтесь. Люди маркиза Ито нашли это девушку, выкупили ее у семьи ее матери, и теперь он сам везет вам ее в подарок вместе с мирными предложениями. Как-никак в ней ваша кровь, вам и решать ее судьбу, хоть вы и не были венчаны с ее матерью. Но Господь читает прямо в сердцах, и что вы Ему ответите,

если он спросит вас: «Сын мой, а где дочь твоя Юкико?»

Александр Михайлович сначала покраснел, потом побледнел; он не знал, что сказать в ответ. Былое приключение молодости само нашло его через много-много лет... А может быть, дело и не в этом, а том, что Одинцов оказался стопроцентно прав, напомнив, к чему может привести пренебрежение к противнику или просто оппоненту. Затевать сейчас спор или пытаться что-то опровергнуть означало потерю лица в глазах присутствующих здесь пришельцев из будущего, будущей императрицы Ольги, а также уважаемого всеми адмирала Макарова, который смотрит сейчас на него, нахмурив седые кустистые брови. Да и что тут можно сказать... Погулял по молодости с фарфоровой красоткой – получи на руки плод той любви в экономичной японской упаковке. А если об этом еще узнает дражайшая Ксения – скандала в благородной семье не оберешься, хоть та история и случилась еще до того, как он женился на сестре нынешнего царя.

– Ладно, – хлопнул ладонью по столу Одинцов, – хватит на этом. Думаю, что для начала мы с Александром Владимировичем дадим вашей японской дочери цусимское гражданство и попросим Дарью Михайловну присмотреть за еще одной подопечной. И самое главное, мы попросим уважаемую Ольгу Александровну не распространяться перед сестрой Ксенией о том, что у вашего давнего приключения были такие серьезные последствия. А далее посмотрим. Захочет девочка стать русской, получить образование и быть чем-то

большим, чем бессловесная приставка к своему мужу – мы это для нее сделаем. Не захочет – так и останется тем, кто она сейчас, это ей тоже никто не запретит.

– Да, Сандро, – подтвердила Великая княгиня Ольга, – я действительно не буду рассказывать об этой истории ни Ксении, ни кому-нибудь другому, и всем остальным тоже советую этого не делать. На этом, пожалуйста, давайте закончим этот разговор, ибо того что было нам уже не изменить...

– Да, действительно, – согласился Великий князь Александр Михайлович, – наверное, так будет лучше для всех. Просто для меня это все так неожиданно... Неверное, нужно будет попросить и господина Ито также не распространяться об этой истории.

– Мы об этом обязательно попросим, да и маркиз Ито везет к нам вашу дочь явно не для того, чтобы устроить тут скандал, – выражая общее мнение, сказал господин Одинцов, – Можете не беспокоиться, Александр Михайлович, эта история останется между нами.

– Благодарю вас, господа, – кивнул Великий князь Александр Михайлович, – теперь давайте подумаем, чем мы можем отблагодарить Японскую империю за проявленную любезность. Я о том, что их быстрая капитуляция сэкономила нам не меньше полугода времени, и только Бог знает, сколько жизней русских солдат и офицеров. Павел Павлович, а как вы думаете?

– Я думаю, – ответил Одинцов, – что надо следовать на-

шему предварительному плану. Япония сейчас ослаблена и унижена, и самое время сделать ее нашим другом. Но это не должна быть такая дружба, когда мы, как радостные идиоты, забудем японцам все их пакости, а они так же радостно продолжают дружить с Британией, чтобы лет через десять или пятнадцать снова попробовать проверить нас на прочность. Нет, все должно быть совсем не так. Первым условием мягкого варианта заключения мира должен быть разрыв англо-японского договора от тысяча девятьсот второго года под предлогом неисполнения Британией своих обязательств. Второе условие – отказ от выплат по японским бонам, выпущенным британскими и американскими банками для обеспечения постройки военного флота и общей подготовки к боевым действиям против Российской империи. Насколько нам известно, за счет собственных средств Япония могла бы профинансировать не более пятнадцати процентов расходов. Третье условие – заключение союзного русско-японского договора, которым мы должны привязать японцев к себе сразу с двух сторон. С военной стороны Русский императорский флот на Тихом океане должен взять на себя обязательство защищать японскую территорию и японские воды так же, как и территорию Российской Империи, чтобы разного рода европейские и американские партнеры не кинулись тащить к себе все, что плохо лежит. С экономической стороны Российская империя должна обеспечить Японию необходимым ей сырьем и продовольствием, с которыми на ост-

ровах традиционно плохо. Взамен Япония будет поставлять на российский Дальний Восток продукцию своей промышленности, что явно выгоднее, чем везти все необходимое из центральных губерний, или, хуже того, из Европы. Что касается территорий, то Японцы могут забыть о притязаниях на Корею, Манчжурию и Ляодунский полуостров. Войну за эти земли японцы проиграли раз и навсегда. Также они лишаются Цусимских и Курильских островов, которые будут обеспечивать безопасность российского Дальнего Востока и присоединенных по итогам войны территорий. При этом Японской империи должна остаться открытой дорога в направлении французских, британских и голландских владений, поэтому ни островов Рюкю, ни Окинаву, ни Формозу у них отбирать не следует. Пусть они послужат трамплином для прыжка на юг в направлении Сингапура, Австралии, Французского Индокитая и Голландской Ост-Индии...

– Павел Павлович, а как вы предлагаете быть с Китаем? – спросил каперанг Карпенко. – Не хотелось бы, чтобы с нашего молчаливого одобрения произошло что-то подобное знаменитой у нас Нанкинской резне. Да вы и сами можете вспомнить, с чего началось наше знакомство с японцами в этом мире. Яма, полная женских обезглавленных трупов – вот лицо японской цивилизации на сегодняшний день.

– У европейской цивилизации лицо ничуть не лучше, – ответил Одинцов, – только оно прикрыто толстым слоем штукатурки, поверх которой талантливый художник нарисо-

вал нечто подобное добродушной мордочке мишки Тедди. А что там на самом деле, вы знаете не хуже меня... Японцы тихо стоят в сторонке и плачут горячими слезами.

– Так, товарищи, – вступил в разговор полковник Нювиков, – давайте по порядку. Во-первых, надо начать с того, что, как мне говорила одна знакомая антрополог, первыми поселенцами на японских островах были дочеловеческие высшие приматы, скорее всего, один из подвидов хомо гейдельбергус. Эти ребята, достаточно умные, чтобы считаться без пяти минут людьми, при этом не имели никаких моральных ограничений и жрали друг друга за милую душу. Среди японцев нередко встречаются люди с крупными зубами, между которыми имеются видимые промежутки. Так вот – это видовой признак как раз этой разновидности почтичеловеков. Потом, много-много тысяч лет спустя, но относительно недавно по нашему времени, на японские острова пришли обычные люди, причем частью из Европы, а частью из Азии, и перемешались с аборигенами. Все хорошо; но людоедские гены остались в популяции. Поэтому, чтобы общество не погрязло в кровавой вакханалии, основой японской культуры является жесточайший контроль и самоконтроль. Поэтому у них так все зарегламентировано, в том числе и правила ведения боевых действий, так называемый кодекс Бусидо. Ведь и воевали-то японцы по большей части между собой. Обжегшись на молоке, они теперь дуют на воду. Но это работает только внутри своего социума. А когда начинается, с позво-

ления сказать, внешняя война, с неяпонцами, некоторые их генералы не от большого ума начинают выпускать на волю кровавых демонов, снимая со своих солдат вековые запреты. Поэтому в таких случаях бить по рукам требуется японское начальство, объясняя, что всегда и везде правила должны быть одними и теми же, и что за любое злодеяние последует жесточайшая расправа. Альтернатива всему этому, если смотреть правде в глаза – это тотальное истребление всего населения японских островов; и чем мы после этого будем лучше тех же японцев или американцев, почти под корень вырезавших своих индейцев?

– И вы, Александр Владимирович, считаете, что это возможно – истребить население целой страны? – с каким-то извращенным интересом спросил Великий князь Александр Михайлович.

– С технической точки зрения вполне возможно, – хладнокровно ответил Новиков, – высадите в Японии миллион солдат с приказом жечь все, что горит и стрелять во все, что шевелится – и через десять лет японцы останутся только в учебниках истории. Пулеметы в этом смысле творят просто чудеса. С моральной точки зрения, для русского человека, в том числе и для меня, это ни в коем случае невозможно, поэтому давайте сразу же прекратим обсуждение этого вопроса. Стратегия, которую предложил Павел Павлович, кажется мне единственно возможной, потому что идти промежуточным путем и оккупировать Японию, чтобы превратить

японцев в русских, мне кажется занятием настолько дурацким, что над нами даже рыбы смеяться будут.

Великий князь Александр Михайлович после этих слов скептически хмыкнул.

– И в то же время вы Александр Владимирович, – сказал он, – являетесь горячим сторонником включения в состав Российской империи Корейского полуострова, население которого по своей сути мало отличается от японцев. Нет ли в этом какого-либо неразрешимого противоречия?

– Вы, Александр Михайлович, – ответил Новиков, – просто еще не видали русских корейцев, крещеных в православие и обрусевших до глубины кости. Единственное, что их выдает – это узкие глаза и запредельная любовь к острым блюдам, множество из которых вы уже имели честь вкушать, пока гостили у нас на «Принцессе Солнца». Японцы и китайцы не такие, и заставить их трансформироваться просто невозможно. А посему интеграции Кореи – да, а Японии и Китая – нет. Пусть живут с нами дружно, но все-таки отдельно.

– Господа, – первые за все это время подала голос Ольга, – я должна вам всем сказать, что всемерно поддерживаю то, о чем сейчас говорили Павел Павлович и мой Александр Владимирович. А значит, если вы все еще хотите сделать меня правящей императрицей, все будет посему. О чем я попрошу немедленно телеграфировать моему брату Никки, чтобы он знал, какой линии придерживается его преемница. По мое-

му мнению, позволить англичанам продолжить хозяйничать в Японии было бы непоправимой глупостью, а уничтожать ее вместе со всем населением – запредельной жестокостью. Японцы и их император сами должны выбирать: или союз с Российской империей, которые даст им все для существования, или полное уничтожение. Ибо из-за своего малого населения и ограниченности полезных ископаемых Япония не противник ни одной мировой державе, а в случае ее попыток вылезти на материк (неважно где) Россия тут же примет меры для пресечения этого безобразия на корню. Победители мы или нет!?

– Туше, – поднял руки Великий князь Александр Михайлович, – после того как Рим высказался, все прочие должны умолкнуть. Мне, честно сказать, план Павла Павловича тоже кажется наилучшим из всех возможных вариантов, но вы же знаете, какой вой поднимется в европейской, да и в нашей либеральной прессе сразу, как только газетчикам станет известна хотя часть того, что было сказано сегодня в этой комнате. При этом на здесь присутствующих выплеснется такое количество дерьма, что ему сможет позавидовать любой золотарь, ибо нет предела человеческой зависти и злобе.

– Да наплевать и забыть, – чапаевскими словами ответила Великая княгиня Ольга Александру Михайловичу, – в этой комнате сегодня творилась История, а сочинения продажных писак уже через день, разорванные на осьмушки, окажутся в сортирах для употребления по прямому назначению.

А если кто-то из газетчиков пересечет ту черту, которое отделяет простое злобствование от клеветы и оскорбления величеств, то он наконец-то узнает, как долог путь пешего каторжного этапа в кандалах от Петербурга до Сахалина. Давненько за слишком длинный язык никого на каторгу не гоняли, вот некоторые газетчики и потеряли чувство меры. И хватит об этом!

– Хм, – кивнул Великий князь Александр Михайлович, – с нашими газетчиками все понятно – чуть что, хватать и на каторгу. Но что же ты будешь делать, если инсинуациями отметится какой-нибудь иностранный газетер?

Немного помолчав, Ольга пожала плечами и ответила:

– До иностранных газетчиков мне дела не будет. Любить нас мы Европу все равно не заставим, как ни изгаляйся; так пусть хоть они нас боятся, а значит, уважают. У европейской собаки, чтобы она не гавкала зазря, под носом всегда должна маячить палка, которой ее, если что, как следует отлупят за плохое поведение.

На этой оптимистической ноте совещание закончилось, после чего все присутствующие начали расходиться по своим обиталищам. В комнате же остались только великая княгиня Ольга, господин Одинцов и полковник Новиков. Ольга и Пал Палыч составляли послание царю Николаю со своей позицией по переговорам и ответ маркизу Ито, а полковник Новиков ожидал свою возлюбленную для того, чтобы совершить с ней прогулку на свежем воздухе. Политика – полити-

кой, а жизнь-то продолжается...

* * *

27 июня 1904 года, ранее утро. Царское Село, Александровский дворец.

Капитан первого ранга Иванов Михаил Васильевич.

Несмотря на то, что император Николай совершенно оставил свою привычку истреблять воронье население Царского Села, встает он по-прежнему рано. Все так же выходит он в парк с ружьем на плече и карманами, полными патронов; но только больше ни в кого не стреляет. И даже промелькнувшая в кустах бродячая кошка не вызывает в нем больше охотничьего азарта. Со смертью драгоценной Аликс живодерские привычки у собирающегося в отставку государя пропали раз и навсегда. А может быть, дело в том, что его новая пассия госпожа Лисовая на дух не переносит таких развлечений своего кавалера, требуя, чтобы к кошечкам, собачкам и птичкам относились по-человечески...⁴ И вообще, охоту на бродячих кошек, по ее мнению, должны быть объявить уголовно наказуемым деянием, потому что те массово истребляют крыс и мышей, кои не только портят огромное

⁴ Особенно странно это звучит, если вспомнить, что восемьдесят процентов населения Империи о человеческом отношении со стороны этого человека могли только мечтать.

количество продуктов и грызут все, что плохо лежит (к примеру, кабели), но и разносят разные тяжелые болезни, вроде желтухи и чумы.

А Лисовую Николай уважает. Если поначалу в Алле Викторовне его привлекло только внешнее сходство с покойной супругой, то теперь, узнав ее поближе, он понял, что перед ним жесткая, волевая особа, способная превратить в чистое золото все, к чему бы она ни прикоснулась; и в то же время не потерявшая женского обаяния. Лишенный лидерских задатков, Николай с радостью готов спрятаться за спиной у этой женщины, которая и поймет его, и обиходит, и пожалует. Лисовая ничуть не напоминает тех бизнес-вуменш, которые к своему финансовому успеху готовы идти хоть по головам, хоть по трупам. Ну да ладно, так даже лучше. Женится на ней Николай морганатическим браком и перестанет даже и думать о троне: во-первых – потому, что при морганатическом браке это невозможно, а во-вторых – Лисовой это на дух не надо. Она согласна быть Николаю верной женой, а его дочерям – доброй мачехой, но и только. Честолюбия в ней нет и на грош, если не считать желания гордиться хорошо сделанной работой.

Но с Лисовой император встречается по вечерам, а ранее утро – это мое время, ибо я тоже люблю прогулки ни свет ни заря, хотя и не таскаю с собой повсюду заряженного ружья. Нет, это не какие-то наши специальные встречи, просто если у Николая в этот день нет ко мне дела, то мы просто

проходим друг мимо друга, раскланиваясь как добрые знакомые, а уж если у императора появляется желание поговорить, он останавливается и заговаривает со мной на интересующую его тему. Так получилось и на этот раз. Вообще-то я уже заранее знал, что такой разговор будет неизбежен, ибо еще раньше получил две шифровки от Одинцова. Одну – о японских мирных предложениях. Другую – о том, что наши товарищи на Цусиме решили по этому поводу, посоветовавшись с Великой княгиней Ольгой и небезызвестным Великим князем Александром Михайловичем. Мне было известно также, что будущая императрица уже начала показывать зубки и довольно резко осадил этого скользкого типа Сандро, а все наши ее дружно поддержали. Точно тогда Николай сказал про свою сестрицу: «Выслушает всех, но решать будет только сама».

Таким образом, когда после обмена приветствиями император Николай попросил меня немного прогуляться вместе, я уже был готов к разговору. Настроение у царя было как у Чебурашки: «Мы строили, строили и, наконец, построили! Ура!». Хотя, собственно, сам Николай ничего не строил, он сначала создал вполне дурацкую политическую конфигурацию, из-за которой война началась при неблагоприятных для России обстоятельствах, а потом всего лишь плыл по течению, позволяя своим министрам вытворять всяческие непотребства, лишь бы они его «не заслоняли». Но сейчас этот человек собирается уходить с политической сцены, а поэто-

му о нем, как и о покойнике, следует говорить либо хорошо, либо никак.

– Михаил Васильевич, – сказал мне император, встретив на узкой дорожке Александровского сада, – знаете, вчера я получил прелюбопытнейшую телеграмму с Цусимских островов от сестрицы Ольги и вашего милейшего господина Одинцова...

– Да, Ваше Величество, – ответил я, – я вчера тоже получил телеграмму с Цусимы.

– Так что же это получается, – спросил меня Николай, – победа?

– Пока что, – задумчиво произнес я, – это только признание Японской империей своего поражения. Чтобы это поражение японцев стало нашей победой, нам предстоит еще немало постараться, чтобы защитить наши завоевания от желающих их унижить и умалить. Мало победить. Помимо этого крайне необходимо защитить эту победу от тех, кто пожелает отобрать ее у нас за столом переговоров.

Никола закусил губу и спросил:

– Михаил Васильевич, вы намекаете на возможность повторения чего-то подобного Берлинскому конгрессу, когда у моего деда долгожданная победа над турками была украдена совместными усилиями европейских держав?

– Какие уж тут намеки, – пожал я плечами, – я вам прямо и неприкрыто говорю, что сразу после того, как мы с японцами заключим прелиминарный мирный договор и прекра-

тим боевые действия, со всех щелей, как муравьи на запах меда, набегут «великие державы». Британия и Североамериканские Соединенные Штаты, к примеру, будут стремиться пересмотреть условия так, чтобы все хотя бы свелось к довоенному статус-кво, а Франция и Германия под лозунгом «мы же друзья» постараются подсуетиться, чтобы урвать от русской победы что-нибудь и для себя, любимых. А ведь, кроме этих четырех ведущих держав, имеется еще и Австрия с Турцией, и даже Италия со Швецией, которые тоже с удовольствием примут участие в этом шабаше, если их туда, конечно, позовут. А их позовут... Во-первых – до кучи, чтобы мероприятие выглядело как можно более представительным и демократично. Во-вторых – для того, чтобы превратить этот конгресс по корейскому вопросу в судилище над Россией.

От неожиданности Николай даже остановился.

– И что же делать? – немного растерянно произнес он. – Прав был Папа, когда говорил, что в Европе нас не любят и боятся за огромность, и те государства, что заключают с нами союз, желают только урвать хоть что-то для себя.

– Но франко-русский союз ваш Папа при этом все же заключил, – заметил я, – и тем самым поставил Россию в положение собаки, которой виляет хвост. А тут еще введенный в ваше царствование «золотой стандарт», который заставляет российское государство брать «обеспечительные» кредиты в звонкой монете один за другим. Ну не хватает у нас собственной золотодобычи на поддержание денежного оборо-

та, и все тут. Впрочем, мы уже договорились, что с франко-банкирами будут разбираться уже при Ольге Александровне, как и с тем, чтобы кратно увеличивать золотодобычу. Ничуть не сомневаюсь, что о поводе ее воцарения в их рядах случится величайший траур. Что же касается текущего момента, то нам надо поступить подобно хитроумному Язону, который кинул в ряды своих врагов тяжелый камень, а потом, воспользовавшись возникшим смятением, всех их уничтожил.

– Михаил Васильевич, – спросил Николай, – я, честно говоря, не понимаю, какой такой камень мы можем бросить в наших врагов, чтобы вызвать в их рядах смятение? Сказать честно, если ваш господин Одинцов успешно осуществит все, что он задумал по японскому вопросу, то для России от этого будет, конечно, сплошной прибыток, да только вот интересы всех остальных мировых держав он не учитывает вовсе. Крика при этом будет...

– Сказать честно, – ответил я, – нас не волнуют интересы ни одной другой державы, кроме России. Поэтому мы в состоянии так же «честно» пожертвовать союзником, как и союзник пожертвовал нами. Мы ведь пока еще держава-победитель, которая, помимо всего прочего, представляет себе перспективы политического и экономического развития хотя бы на десять или пятнадцать лет вперед. Камнем, который мы кинем в ряды наших врагов, будет вопрос Эльзаса и Лотарингии, а если вообще – то необъяснимой ирра-

циональной вражды французов и германцев. Выход России из франко-русского союза по причине враждебных действий «союзника» так или иначе заденет практически все европейские страны, заставив их изменить свою политику, и ни о каком согласованном европейском антироссийском концерте не будет и речи. Вместо того разразится такая разноголосая какофония, что небу тошно станет...

– Михаил Васильевич, – с оттенком сомнения произнес император, – в таком случае, разорвав союзнические отношения с Францией, Мы немедленно должны будем начать переговоры о дружбе с германским кайзером Вильгельмом... Он давно намекал мне на нечто подобное...

– Ни в коем случае! – ответил я. – Ваш дядюшка Вилли тоже себе на уме и иногда по пьяному делу такое брякнет, что хоть сейчас объявляй ему священную войну. Вспомните, как поступила Екатерина Великая, когда ей, едва вступившей на престол, потребовалось выводить Россию из ненужной ей Семилетней войны? От войск королевуса Фридриха отойти, но к австрийским войскам не присоединяться... Вооруженный нейтралитет! И все время, пока продолжалось ее царствование, императрица придерживалась этой политики, ни разу силой оружия не вмешавшись в европейские дразги. А времечко-то стояло горячее. Великая французская революция, свобода, равенство, братство, гильотина, санкюлоты и Робеспьер... Австрийцы, пруссаки, англичане лезли на Францию, как голодные театралы в антракте на буфет, а Рос-

сия принимала к себе беглых французских дворян, и только. Пока в Европе кипели страсти, Екатерина Великая штыками своих доблестных полков и в грохоте пушечных залпов, лупцую турок, отодвигала на юг и на запад границы Империи. На высоте был и дипломатический авторитет России. Территориальные приращения за счет умирающей от дряхлости Речи Посполитой на девяносто процентов были достигнуты именно усилиями русских дипломатов. Выдрессированная в боях с турками и татарами кадровая армия и морской флот по минимуму принимали участие в этих событиях. Они просто были – и эта щетина стальных штыков, не связанная никакими договорами, поневоле принуждала учитывать себя как фактор европейской политики. А вот когда матушка померла и начались шараханья – то к союзу Австрии, Пруссии и Англии, то к Франции, то опять обратно – вот тогда-то у России и начались проблемы, в итоге вылившиеся в позор проигранной Крымской войны. Вывод может быть только один – Россия как держава, занимающая одну пятую часть суши, должна быть самой мощной державой в мире, равновеликой всей объединенной Европе сразу.

Да уж, Михаил Васильевич, – выслушав меня, вздохнул император Николай, – вы так рассказываете, что у меня дух захватывает. Но, скажу честно, такое дело не для меня. Просто духу не хватит. Пусть этим займется уже сестрица Ольга, а я только посмотрю со стороны...

– Ничего, государь, – приободрил я Николая, – в крайнем

случае, скажете британскому представителю, когда он снова явится, чтобы читать вам нотации, что Россия, как Великая держава, не нуждается в посредниках для заключения мира после победоносно выигранной войны. Dixi! А японцам господин Одинцов параллельно объяснит, что шаг вправо, шаг влево – и следующий раунд мирных переговоров будет проводиться уже на пылающих руинах их столицы. И все. С демонами не спорят.

– С какими такими демонами? – не понял моих слов Николай.

– С обыкновенными демонами, Ваше Величество, – ответил я, – из японских легенд и мифов, или как там называется их фольклор, из которого родилось современное нам искусство анимэ, где все буквально кишит этими демонами... Но по большому счету это для нас сейчас не имеет никакого значения. Главное – превратить побежденную Японию в своего союзника и тем самым лет на тридцать-сорок сделать Дальний Восток нашим глубочайшим тылом, в котором не может произойти ничего неприятного. В противном случае Российская империя всегда будет вынуждена сражаться на два фронта – и на западе, и на востоке.

– Я вас понимаю, – кивнул Николай, – именно поэтому ваш господин Одинцов и не хочет обдирать побежденных до самых костей... Знаете, сестрица Ольга мне писала, что некоторое время назад ей снился пророческий сон, что во время ее царствования будет две Войны с большой буквы –

обе Великие, и обе Отечественные. В первый раз, как во времена Наполеона, на нас должна ополчиться вся Европа, которую мы с большим трудом все же победим и сделаем безопасной. А второй раз это будет межконтинентальная война с Америкой, во время которой в битве сойдутся огромные морские флоты, а также армады тяжелых летательных аппаратов с бомбовым грузом, летящих с одного континента на другой...

– Такой сценарий тоже не исключен, – кивнул я, – хотя бы в силу того, что из всех европейских государств одно может оказаться сильнее остальных. Такое в нашей истории бывало, хотя бы во времена уже упомянутого вами Наполеона. Мы не знаем, сколько времени осталось до того рокового момента, когда нам придется сражаться со всей Европой. Пять лет, десять или пятнадцать; но мы должны начинать готовиться к этому уже сейчас, не теряя ни минуты. Если Большая война застигнет Россию в том состоянии, в каком она находится нынче, то тогда... одним словом, приятно будет мало. Погибших будем считать десятками миллионов, да и внутренняя смута тоже неизбежна. И мне трудно сказать, уцелеет ли тогда династия Романовых, даже при нашей помощи... Как по аналогичному поводу сказал один из наших вождей там, в нашем прошлом: «если мы не сумеем пробежать за десять лет тот путь, который Европа прошла за сто, то нас просто сожрут». Тогда наши деды все успели, и только поэтому я сейчас с вами разговариваю. На этот раз мы хотим

поставить тот же вопрос на четверть века и одну Большую Войну раньше.

– Господи, Михаил Васильевич, – сказал Николай, исто-во перекрестившись, – страшно-то как! Умеете же вы все-таки ободрить – в обратном, так сказать, смысле. Ну не мое это, не мое. Лучше расскажете обо всем моей сестрице Оль-ге, а я телеграфирую Сандро, что даю ей и господину Один-цову полный карт-бланш на ведение мирных переговоров с Японской империей. Все равно она будущая Государыня, ей и вздымать твердой рукой на дыбы огромную сонную страну, и да поможет ей Бог... А я сейчас, пожалуй, пойду подумаю и помолюсь и за нее и за вас. Ибо слишком тяжкую ношу вы на себя взвалили и несете ее без единого стона. Спаси вас, Господи!

«И правильно, – подумал я, – чем больше Николай бу-дет напуган, тем быстрее и безболезненнее отдаст власть. Тут всю страну в единый военный лагерь превращать потребу-ется, и нам будет совсем не до того, чтобы уговаривать од-ного-единственного неврастеника уступить место тому, кто сможет распорядиться им наилучшим способом. Теперь на-до как можно скорее отправить телеграмму Павлу Павлови-чу, что полномочия я для него и его ученицы выбил. Можно сказать, что эти переговоры станут для нее последним экза-меном на должность Императрицы. И помогать ей в этом бу-дет не только Бог, но и все мы, люди из будущего, а также ее брат Михаил, Наместник Алексеев, адмирал Макаров, а еще

миллионы и миллионы русских людей, которые не смогут не полюбить свою будущую императрицу...»

* * *

30 июня 1904 года, утро. Великое Княжество Цусимское, причал на берегу залива Асо в окрестностях Та-кесики.

Канцлер Великого княжества Цусимского тайный советник Павел Павлович Одинцов.

Японский номерной миноносец, на котором господин Ито планировал прибыть на Цусиму, никто и не собирался допускать на внутренний рейд передовой базы русского флота в заливе Асо, будь он хоть три раза разоружен. Каперанг Карпенко доверял японскому миролюбию не больше, чем наклеенным резиновым улыбкам американцев нашего времени. Именно поэтому МРК «Иней» вышел из базы и с максимальной скоростью в тридцать пять узлов легко перехватил японский кораблик под белым флагом. Приняв на борт маркиза Ито и одетую по-европейски отчаянно смущающуюся японку, форся мощностью своей силовой установки, «Иней» с ветерком доставил слегка обалдевшего японского посланца и его спутницу в залив Асо, прямо в наши объятия. Еще бы маркизу Ито не обалдеть, ведь под палубой маленького семисоттонного кораблика клокотали машины, мощи кото-

рых с лихвой хватило бы на два местных эскадренных броненосца.

Собственно, «Иней» и брат его «Мороз» после дела с британской эскадрой перестали быть ракетными кораблями, потому что после израсходования боекомплекта с них срезали пусковые трубы ракет «Малахит» (которых у нас больше нет, и не предвидится). Идей, чем можно заменить утраченное вооружение, тоже не много. Пока ни до чего умнее надводных торпедных аппаратов (как на торпедных катерах), никто не додумался. Демонтировали пусковые установки еще и с той целью, чтобы не наводить посторонних людей на нехорошие мысли о том, что у нас не осталось больше того ужасного оружия, с помощью которого и была утоплена британская эскадра. Вот и маркиз Ито, я надеюсь, тоже ничего не заподозрил, а если и заподозрил, то ничего не сможет доказать, потому что во время стоянки на островах Эллиота мы держали наш засадный полк подальше от посторонних глаз.

Кстати... Различные модификации торпед и снаряды к корабельным пушкам всех систем в комплектации второго БК для эскадры погруженного во Владике 2017 года на «Борисе Бутоме» имеются, а вот «Малахитов» для МРКшек, «Москитов» для «Быстрого» и «Раструбов» для «Трибуца» там нет. Во-первых – потому что для перезарядки ракетных пусковых установок в любом случае требуются условия стационарного пункта базирования со специальными кранами, а во-вторых (что касается «Малахитов») – по той про-

стой причине, что производство ракет этого типа прекратилось в 1992 году и больше не возобновлялось. Перед тем как мы свалились ОТТУДА СЮДА, ТАМ на учениях достреливались последние складские запасы, после чего вооруженные «Малахитами» корабли должны были быть либо списаны, либо переделаны под современные сверхзвуковые ракеты «Оникс».

Одним словом, когда маркиз Ито и его спутница сходили на берег, было видно, что от поездки верхом на морском демоне несколько пострадала даже знаменитая японская невозмутимость. Эту небольшую неловкость вполне искупила торжественность встречи. На причале, помимо вашего покорного слуги и Великой княгини Ольги (которым предстояло вести переговоры), посланца японского императора встречали адмирал Макаров, каперанг Карпенко, полковник Новиков и Великий князь Александр Михайлович. Моя Дарья Михайловна, снова вступившая в права коменданта базы, стояла чуть поодаль, вместе с командирами броненосцев и крейсеров русского императорского флота, стоящих сейчас на якоре в заливе Асо, и генералом Кондратенко. Это был, так сказать, партер, а все прочие наблюдали за прибытием господина Ито Хиробуми с галерки, то есть со склонов окружающих бухту холмов; и было этих людей немало. Как-никак исторический момент...

Но главными на этой сцене были выстроенные в два ряда бойцы тихоокеанской бригады морской пехоты, взявшие на

штык этот благословенный островок. Капитан Деникин отдал команду, и все замерли. Все бойцы были обмундированы в камуфляж «нового» образца, грудь выкачена вперед, а на ней – «егорий» или даже два, винтовка с примкнутым штыком у ноги, лицо раскрашено устрашающим гримом, глаза едят начальство (то есть нас, любимых, медленно идущих вдоль строя)... Отделенными командирами стоят или контрактники из две тысячи семнадцатого года или местные унтера. Вот кто истинные демоны из преисподней! Лепота, да и только.

– Итак, мистер Одинцофф, – по-английски сказал мне маркиз Ито, пожимая мне руку, – так вы и есть главный пришелец из другого мира?

– Да, Хиробуми-сама, – ответил я на том же языке, – это я и есть. Но прочие ваши коллеги предпочитают называть меня главным демоном.

Маркиз Ито кивнул.

– Разница этих определений не принципиальна, – сказал он, – в любом случае вы для нас существо непостижимое и непредсказуемое, а ваши действия приводят в отчаяние тех, кто пытается предугадать ваш следующий шаг. Впрочем, насколько я понимаю, пустые любезности у вас не в чести, и для меня пришло время подниматься на свою Голгофу.

– Ни о какой Голгофе, дорогой маркиз, – ответил я, – речь сегодня не пойдет. Скорее, вас выведут на распутье и покажут три дороги, по которым может двинуться ваша страна.

Одна дорога, не буду скрывать, и в самом деле приводит на Голгофу, зато две другие ведут в значительно более приятные места...

– Тогда, – немного помолчав, ответил Ито, – давайте не будем терять времени, пойдем и глянем на это ваше распустье.

И мы пошли...

Пройдя вдоль строя наших башибузуков, маркиз больше ничего не сказал, но, несомненно, все понял, и это ему в плюс. К тому же понимания добавляли стремительные, как сама смерть, пятнистые корабли-демоны, стоящие на якорях под теми же Андреевскими флагами, что и соседствующие с ними, массивные словно утюги, эскадренные броненосцы русского императорского флота. Но все в этом мире рано или поздно заканчивается. Закончилась и церемония встречи, после чего все мы неспешным шагом направились в сторону моей временной резиденции. Да, кстати, «Принцесса Солнца» тоже стоит на якоре тут, в заливе Асо, но ни меня, ни Дарью не тянет возвращаться в ее каюту. Наелись мы этой плавучей штаб-квартирой по самые ушки; в доме на земле жить и приятней, и удобней.

Впереди шествовал ваш покорный слуга в паре с маркизом Ито, позади нас шла Великая княгиня под руку с полковником Новиковым, а за ними уже и все остальные. «Принцессу» Юкико – долговязую, неловкую и не знающую куда девать себя в этом незнакомом и страшном месте – тут же,

как только закончилась церемония, взяла под опеку моя Дарья Михайловна. Подобрать, обогреть, накормить и распрощать... По-русски девушка могла связать несколько слов. Видимо, ее тоже прежде готовили во временные жены, ведь зимовать в Нагасаки русские корабли перестали всего несколько лет назад, а до того бизнес на временных «женах» процветал, и девушка могла сменить не одного «мужа», пока не накопила бы на приданое. Но вот судьба-злодейка повернулась к ней сначала одним боком, потом другим; и напоследок ее, бесправную и безгласную, извлекли из воспитывающей ее семьи, после чего она оказалась в самом логове ужасных демонов, которые напали на Цусиму и пожрали все ее население... По крайней мере, так об этом поговаривали в Нагасаки. Но тогда кто же эти одетые по-японски люди, что выстроились вдоль дороги и, кланяясь, славят доброго дайме (князя), который взял их под свою защиту? Примерно так могла думать девушка, когда под руку с моей Дарьей, позади процессии ВИП персон шла к нашему временному обиталищу.

* * *

Полчаса спустя. Великое Княжество Цусимское, дом с видом на залив Асо в окрестностях Такесики.

Канцлер Великого княжества Цусимского тайный советник Павел Павлович Одинцов.

И вот мы сидим втроем в огромном зале, рассчитанном на то, чтобы принимать несколько десятков человек сразу. Правда, чистая японская экзотика в виде раздвижных стен, затянутых рисовой бумагой и открывающих вид в сад, вышитых шелком картин на стенах, а также лакированных подставок, на которые гости должны класть свои мечи, соседствует с суровой европейской прагматичностью, олицетворением которой являются вполне европейский массивный лакированный стол и мягкие венские стулья. Мы с Великой княгиней Ольгой все же не японцы, и для нас их заморочки сидеть на ковриках или на подушках прямо на полу вовсе не обязательны. Впрочем, и маркиз Ито тоже не испытывал никаких неудобств в обращении с европейской мебелью и привычно сел на стул, отодвинутый предупредительным слугой. Как-никак на протяжении своей очень долгой жизни (63 года) этот человек был замечен не только в поджоге британского посольства (был такой грех молодости), но и в длительных командировках для приобретения политического опыта в Великобританию, континентальную Европу и США. И вот, когда мы расселись за столом друг напротив друга, слуги вышли, и настало время для серьезного разговора.

Для начала маркиз Ито решил окончательно прояснить обстановку.

– Господин Одинцофф, – сказал он мне, склонив голову, – поясните, пожалуйста, с кем я все же буду вести сейчас пе-

переговоры – с вами, или с этой очаровательной молодой женщиной?

– Вы будете вести переговоры с нами обоими, – ответил я, – но решающий голос тем не менее находится у госпожи принцессы, а я просто ее наставник и учитель в нелегком деле международной политики.

– А что случилось с великим князем Александром Михайловичем? – как бы небрежно поинтересовался Ито, – ведь, насколько я понимаю, первоначально переговоры о предварительном мирном договоре должен был вести со мной именно он...

– С Великим князем не случилось ничего страшного, – пояснил я, – тем более что он был в числе встречавших вас на причале особо важных персон. Просто после истории с лесными концессиями на реке Ялу у этого человека образовалась несколько двусмысленная репутация. Говорят, что деньги сами липнут к его рукам, и никто не может дознаться, откуда они взялись. Поэтому после предварительного обсуждения у нашего императора образовалось справедливое подозрение, что этот человек не сможет со всей положенной твердостью отстаивать на этих переговорах уже обозначенную российскую позицию. Ну а поскольку принц Майкл, которому император всемерно доверяет, находится ныне в Корее, главным переговорщиком назначена моя ученица принцесса Ольга, которой наш император также полностью доверяет. Вы не смотрите, что она женщина, железа в ее харак-

тере хватит на целый десяток самураев.

Ито скептически хмыкнул, и в этот момент я подумал, что не рассказывать же маркизу, что эти переговоры Великая княгиня Ольга ведет как будущая императрица, на голову которой падет все, о чем она сейчас договорится или, наоборот, не договорится. Ну а я, соответственно, участвую во всем этом как будущий канцлер Империи, стоящий за треном на страже государственных интересов.

Тут Ольга глянула на маркиза Ито своими карими, как у матери, пронзительными глазами и выдала такое, чего не ожидал даже я.

– Мистер Ито, – с обманчивой кротостью произнесла она, – вы можете во мне не сомневаться. Когда речь пойдет об интересах моей страны, я буду безжалостна, поэтому берегитесь. Вы сами начали эту войну и теперь готовьтесь пожать ее горькие плоды. А если потребуется снова применить грубую силу, в которой я, слабая женщина, совсем не дока, то я призову на помощь близких мне мужчин. В первую очередь, своего брата принца Михаила и своего жениха Велико-го Цусимского князя Александра (которые уже громили ваших японских генералов на реке Ялу у Тюренчена и тут, на Цусиме), а также адмирала Макарова, вдребезги разбившего ваш флот в битве у Порт-Артура. Если у меня не хватит мудрости, то мне поможет присутствующий здесь мой наставник господин Одинцов. Знаете, мистер Ито, если потребуется, то по моему слову на вас восстанут все силы Ада, после чего

вы будете почитать за счастье подписать те условия мирного договора, которые мы предлагаем вам сейчас...

Закончив эту речь, Ольга сложила руки на столе как примерная ученица и вопросительно глянула на своего наставника, то есть на меня. В ответ я только коротко кивнул. Сделано хорошо, и даже лучше того. Если наш оппонент решил, что будет иметь дело с неопытной девчонкой, то он жестоко ошибся, ну а если он выше таких пошлостей, то тем лучше для него же.

И точно – маркиз Ито отнюдь не выглядел обескураженным этой отповедью; видимо, изначально настроившись на серьезные и жесткие переговоры. Ну а как иначе могло случиться, если местом их проведения мы назначили совсем недавно захваченный остров Цусима, который, по японским представлениям, превратился в логово самых злобных демонов. И господин Ито тоже понимает, что теперь это наша вотчина, и мы в ней делаем что хотим; и не разгромленным вдребезги японцам диктовать нам свои условия. Поэтому тяжело вздохнув, он перевел вопросительный взгляд в мою сторону.

– Значит так, Хиробуми-сама, – сообщил я, – все предварительные условия, изложенные в нашем письме, остаются в силе. В первую очередь это касается Курильских островов и Цусимы, вопрос которых не обсуждается. Также не обсуждается полный переход Кореи под протекторат Российской империи. Открытым остается только вопрос о финансовой ком-

пенсации, которую ваша страна должна выплатить за вероломное и неспровоцированное нападение на Российскую империю, а также, собственно, о дальнейшей судьбе Японской империи, которая еще может сложиться по-разному... Напоминаю, что до установления полного контроля русской армии над Корейским полуостровом осталось не так уж много времени, после чего она будет готова начать кампанию непосредственно на островах Метрополии...

– Да, мистер Ито, – подтвердила Ольга, – после вашего внезапного нападения у России на Дальнем Востоке будут либо только хорошие соседи, либо не будет никаких. Вы не поверите, но такой вопрос на самый крайний случай тоже обсуждался, и если будет необходимо, мы недрогнувшей рукой приведем этот план в действие. Мой будущий муж в таких случаях всегда говорит, что если враг не сдастся, то его уничтожают.

В ответ маркиз Ито вздохнул и после некоторой паузы произнес:

– Япония небогатая страна, и поэтому она просто вынуждена воевать за источники сырьевых ресурсов, которых не много на островах Метрополии. Территория Кореи, самой ближайшей к нам территории, населенной родственным народом, для нас не прихоть, а вопрос жизни и смерти... Из-за нее мы воевали с Китаем десять лет назад, заставив Цинскую империю отказаться от Сюзеренитета по отношению к Корее. Без нее наше государство просто не сможет развиваться

и погибнет, со всех сторон задавленное могущественными соседями...

Ну вот, начались старые песни о главном – о бедности японцев и о том, как им позарез необходима Корея. Только видно, что Ито это не всерьез. То есть он всерьез уверен в необходимости этой территории для дальнейшего процветания японского государства, но понимает, что теперь Корею им никто не отдаст. Не те расклады. Но ритуальные слова все равно говорит, потому что не может не сказать – такой уж у него мандат от его императора.

– Скажите, мистер Ито, – спросил я, – а вы не пробовали просто покупать необходимое вам сырье вместо того, чтобы заниматься грабежом покоренных народов? Конечно, грабеж кажется самым экономически оправданным бизнесом, но это ровно до тех пор, пока вы сами не окажетесь в положении побежденных, как сейчас. Как верно сказал ваш министр иностранных дел господин Дзютаро Комура: «война уничтожает все прежние договоры», поэтому вашу страну сейчас не защищает ни одна дипломатическая бумажка, тем более что вы сами были инициаторами этой войны, и на вас же должны пасть ее последствия.

– Я лично был против нападения на Россию, – угрюмо произнес маркиз Ито, – это все правительство генерала Кацуру, но все те люди уже принесли свои извинения императору, а значит, полностью искупили свою вину...

– Слышите, ваше императорское высочество, – по-русски

хмыкнул я, – лично господин Ито тут ни при чем, а те, кто были при чем, уже взрезали себе животы острыми ножами, а значит, очистились от всех обвинений. Такова она, японская философия, что смерть тела, проведенная по определенным ритуалам, смывает все грехи, в противовес нашим представлениям о том, что после смерти для грешника все интересное только начинается, а процесс самоубийства еще добавляет грешной душе дополнительный круг ада.

– Да, Павел Павлович, – также по-русски ответила мне Великая княгиня, – я поняла эту разницу между русским и японским менталитетом и нахожу, что самоубийство виновников войны перекладывает их вину на тех, кто примет власть после них. Зло уже сотворено, и кто-то должен за него ответить. Помнится, господин Ито в свое время ратовал за парламентскую форму правления, при которой народ разделяет ответственность со своим монархом; так пусть оно так и случится. Объясните ему, пожалуйста, это. Или лучше не надо... Вместо того расскажите господину Ито, почему для его страны территориальные завоевания могут оказаться подобными смертельной ловушке и даже в самом лучшем случае не принесут ей ничего кроме большого горя.

– В любом случае, Хиробуми-сама, – сказал я по-английски, – никаких территориальных приобретений вблизи российских границ мы вам сделать просто не позволим, поэтому, вне зависимости от того, насколько важной вам кажется Корея, вы можете о ней забыть. Разговор на эту тему закон-

чен и его продолжение чревато прерыванием переговоров и в ближайшем будущем возобновлением боевых действий, а значит, дальнейшими бедствиями для населения Японии... Вместо того должен напомнить, что мы были настолько добры, что не потребовали отдать Окинаву и Формозу, а значит, не закрыли вам возможность экспансии на юг, в направлении колоний Франции, Голландии и Великобритании. Но, с другой стороны, господин Ито, если вы дадите себе труд как следует подумать над этим вопросом, то сразу поймете, что Японской Империи вообще противопоказана любая территориальная экспансия. Попытка заглотив полмира, чтобы получить контроль над всеми видами сырьевых ресурсов, необходимых для японской промышленности, неизбежно обернется для Японии непоправимой катастрофой.

– Погодите, господин Одинцофф, – озадаченно спросил Ито, – я вас не понимаю. Как территориальные приобретения, которые за пределами своих границ делает любое уважающее себя европейское государство, могут обернуться катастрофой для Японии?

– Все очень просто, – сказал я, – чем японец отличается от неяпонца? Вы можете назвать тысячи отличий, но главное из них заключается в том, что японец живет в Японии, а неяпонец нет. У вас же уже есть определенный опыт по выезду ваших соплеменников на заработки – например, в Америку, на Гавайи и в Калифорнию. В первом поколении с выходцами из Японии все нормально, они свято хранят тради-

ции и веруют в японских богов. Но если они, заработав денег, не вернулись обратно в Японию, то их потомки во втором-третьем поколении стремительно натурализуются, сохраняя только японские фамилии и специфический разрез глаз. При массовой экспансии будет то же самое, только землю предков покинут не нищие кули, о которых пока никто не жалеет, а офицеры, чиновники, инженеры и прочие специалисты, необходимые для функционирования колониальных администраций. При соответствующем масштабе экспансии эти потери будут невосполнимы, ибо дети, родившиеся за пределами Метрополии, в своей массе уже не будут полноценными японцами. И это если не считать еще тех людских потерь, которых потребуют завоевательные войны во имя колоний. Потери этой неудачной войны кажутся вам тяжелыми? Умножьте их в десять, сто или тысячу раз – и поймете, во что обойдется завоевание территории, ресурсы которой необходимы вам для полного процветания. А ведь завоеванное еще требуется удержать и переварить. Не окажется ли эта задача непосильной для маленького японского этноса? И не смотрите, пожалуйста, на британцев, колониальную систему которых вы собираетесь копировать. Сейчас их империя находится в зените, но ее закат уже не за горами. Видели бы вы, что останется от Британской империи, не проигравшей ни одной войны, всего через пятьдесят лет – не стремились бы в ту же ловушку. Ведь у британцев та же проблема: дети их колонистов уже во втором-третьем поколении перестают

быть британцами, становясь канадцами, американцами, южноафриканцами, австралийцами и новозеландцами.

– А как же быть с вами, русскими, захватившими самую большую территорию среди всех европейских держав? – в ответ спросил Ито, – разве вы не теряете своей специфической русской индивидуальности, переезжая из Петербурга во Владивосток?

– Мистер Ито, – довольно резко произнесла Ольга, – я должна вам напомнить, что у Российской империи нет и не были Метрополии и колоний. Вся ее территория едина и неделима, и все подданные нашего императора равны в правах, неважно где они при этом живут – в Санкт-Петербурге, Киеве, Тифлисе, Ташкенте или Владивостоке...

– Да, господин Ито, – подтвердил я, – как бы удивительно это ни выглядело, так оно и есть: русские, как и китайцы, показали свою способность сохранять свою национальную самобытность, даже находясь в полной изоляции от Родины. Так уж мы устроены, что мы везде дома. Впрочем, это не имеет никакого отношения к предмету нашего сегодняшнего разговора о будущем проигравшей войну Японской империи. Проигравший платит за все, а если он недостаточно расторопен, то цена вопроса возрастает многократно. И еще. Для предотвращения рецидива этой злосчастной войны, помимо территориальных изъятий, мы настаиваем на разрыве англо-японского договора от тысяча девятьсот второго года, и на включении в наше будущее соглашение статей, ограни-

чивающих численность японской армии и флота, тем самым гарантирующих неповторение того безобразия, которое мы только что с таким трудом закончили. Ну и, соответственно, пункт о том, что в случае если ваших военных возможностей не хватит для того, чтобы защитить вашу территорию от поползновений какой-либо третьей страны, русская императорская армия и флот возьмут Японскую империю под свою защиту. Вот наши окончательные предложения...

С этими словами я подтолкнул к будущему японскому премьеру (а ведь к гадалке не ходи, он им станет!) папку, где черным по белому на хорошем литературном англиском языке с кембриджским акцентом был изложен черновой текст будущего Цусимского прелиминарного мирного договора. Если клиент созрел, то надо ковать железо, пока оно горячо.

Внимательно причитав текст, маркиз Ито вздохнул, как бы нехотя признавая наступление неизбежного.

– Господин Одинцофф, – сказал он, – я прекрасно понимаю вашу позицию, заставляющую вас настаивать именно на таких условиях, но не могу подписать этого без согласования с Божественным Тенно. Так далеко мои полномочия не распространяются.

– Ну и замечательно, Хиробуми-сама, – ответил я, переглянувшись с Великой княгиней Ольгой, – телеграф в вашем распоряжении, жильё, соответствующее вашему рангу, тоже. Думаю, за то время, пока будут согласовываться окончательные условия соглашения, мы с вами еще не раз встретимся и

поговорим. И вот еще что, – я подтолкнул навстречу Ито еще одну папку, – эта информация о мире, из которого пришли мы, демоны, предназначена только для ваших глаз и глаз вашего божественного сюзерена. Это к вопросу о том, как Япония потеряла все свои колонии, и как она при этом может существовать и даже считаться второй-третьей экономикой планеты... На этом позвольте прекратить наш разговор, ибо и вам, и нам требуется время для его осмысления.

* * *

30 июня 1904 года, еще час спустя. Великое Княжество Цусимское, дом в окрестностях Такесики, арендованный Её Императорским Высочеством для собственных нужд.

Великая Княгиня Ольга Александровна Романова.

Ну вот – можно считать, что война окончена, и мы победили. И вовремя, потому что только к этому моменту я окончательно осознала, что все делаю правильно и что только я смогу сплотить вокруг себя всю здоровую часть Семьи и патриотически настроенную общественность, чтобы повести Россию к новым свершениям и новым победам. От масштаба этой задачи захватывает дух. Крестьянский вопрос, тотальная ликвидация безграмотности, электрификация, индустриализация... Мне предстоит править Россией в самое интересное время. Впереди – эпоха рекордов, когда каж-

дый день «выше, дальше, быстрее»... Эпоха огромных заводов и новых, построенных на пустом месте, городов. Эпоха женщин, откинувших затхлые условности прошлых веков и овладевших профессиями врачей, инженеров, проникнувших в глубины науки и занявших руководящие должности в государственных и коммерческих учреждениях. И примером им будут мои добрые знакомые: Дарья Михайловна и Алла Викторовна, и, конечно же, я сама – как Императрица Всероссийская Ольга Романова.

Правда, это далеко не вся правда. Павел Павлович говорит, что после заключения прелиминарного мирного договора через пару лет нам еще попытаются устроить судилище вроде Берлинского конгресса, которое может привести нас к войне против всей Европы разом... Но у них с господином Ивановым (который сейчас пребывает при персоне моего брата Ники) есть план по предотвращению подобного развития событий. По словам моего Наставника, Европа в настоящий момент переполнена противоречиями, и поэтому беременна грядущей мировой войной; но в то же время не имеет стоящего над ней внешнего гегемона, роль которого в их мире играют американцы. Павел Павлович говорит, что в настоящий момент нам выгодна ситуация, когда каждый в Европе сам за себя, поэтому, слегка отдалившись от Франции, чтобы показать свое недовольство ее демаршами в начале войны, нам все же не стоит лезть в объятия к кайзеру Вильгельму. Он нам тоже не друг, несмотря на все улыбки

из-под встопорщенных усов.

Позиции Британии в Европе за последнее время сильно пошатнулись, подписание франко-британского соглашения оказалось сорвано, и в то же время кайзер Вильгельм просто умоляет моего брата заключить русско-германский союз, явно направленный против Британии (колониями которой дядюшка Вилли жаждет поживиться) и опять же против Франции. К тому же для французов разрыв франко-русского союза и заключение русско-германского договора равносильны смертному приговору, а потому сопротивляться такому исходу они будут отчаянно. Англичане в континентальной войне им не союзники, тем более что переговоры об англо-французском союзе зависли в связи с победоносными действиями русской армии и флота в войне против Японии. Вот пусть так и продолжается...

И вообще, самой выгодной позицией для нас был бы вооруженный нейтралитет и невмешательство в европейские дела – по крайней мере, до тех пор, пока мы не обустроим удобных позиций в Азии и на Ближнем Востоке. Но это не должно быть сонное четвертьвековое почивание на лаврах, как было в царствование Папа и несчастного брата Ники. Нет. В союзе с Балканскими государствами мы должны силой оружия обрушиться на Турцию и прессовать ее до тех пор, пока из этого пережитка варварского средневековья и злобной угнетательницы христианских народов не потечет кровавый сок. Захват Черноморских Проливов должен ра-

дикально улучшить наши позиции на южном фланге, ведь даже сопливому гимназисту должно быть понятно, что проще всего оборонять от вторжения вражеского флота узкую горловину Дарданелл, чем огромное, протянувшееся на тысячу верст черноморо-азовское побережье.

Потом, когда, как говорит Павел Павлович, нам придется окончательно разбираться с взбесившейся Европой, эта пробка в Проливах и выбившая из Игры Оттоманская Турция позволят нам сосредоточить свои силы на действительно важных направлениях. И вообще, чем больше я беседую с пришельцами из будущего (причем не только такими высокопоставленными, как мой будущий муж и господин Одинцов, но и с простыми солдатами и матросами), тем сильнее я встаю на бытующую среди них позицию о том, что в Европе у России настоящих друзей нет. Вместо друзей там есть только попутчики, нахлебники и искренние враги. С врагами, конечно, проще всего – их можно и нужно уничтожать; но и попутчики с нахлебниками теперь не вызывают у меня ничего, кроме брезгливой гадливости. Как смели газеты якобы дружественной нам Франции писать про Россию всякие гадости – в то время, как русские солдаты насмерть сражались с жестоким врагом! Нет, к тому моменту, как я сдам Россию своему преемнику, Европа либо превратится в мышь, тихо сидящую под веником, либо ее не будет вообще. Клянусь, что это станет моим кредо. Либо добрые соседи, либо вообще никаких будут у нас не только на берегах Тихого, но и

Атлантического океанов.

Что касается дальнейшего будущего Дальнего Востока вообще и Японии в частности, то во второй папке, переданной Павлом Павловичем маркизу Ито, находится информация о том будущем, которое постигло Японскую империю в мире будущего. Мой жених говорит, что для истинного самурая (каким, несомненно, является маркиз Ито) эта папка будет подобна ушату холодной воды на голову или даже удару острым ножом в живот... Такая информационная бомба способна вдребезги взорвать представления этого весьма незаурядного человека о мире и подвигнуть его на радикальное изменение своих позиций. Ведь, если смотреть непредвзятым взглядом, помимо продолжения самоубийственной конфронтации с Российской империей (что почти исключено), развитие Японии может пойти по двум различным путям.

В первом варианте маркиз Ито сохранит полученную информацию в тайне, и через некоторое время японское правительство, оправившись от последствий нынешнего поражения, даст волю своим хищническим инстинктам, разорвет временный ситуативный союз с нами и начнет колониальную экспансию – сначала в разлагающийся Китай, а потом и в направлении французских, голландских и британских колоний. Павел Павлович говорит, что естественным результатом такой политики станет военный конфликт Японии с этими странами, который выльется в затяжную Тихоокеанскую войну – и уж ее-то Япония попросту не выдержит. Слнш-

ком несопоставимы экономические потенциалы возможных противников – даже в том случае, если на стороне европейских стран не выступит хотя бы одна из сверхдержав-тяжеловесов, то есть Российская империя или Североамериканские Соединенные Штаты. В таком случае все вернется на те же позиции, что у японцев имеются сейчас: истощенная, разоренная и потерпевшая военное поражение страна, только в значительно более тяжелой, почти неизлечимой форме.

Во втором варианте – признаюсь, самом для нас выгодном и желательном – Япония заключает с нами самый тесный союз (в частности, таможенный и экономический), и развивает свою промышленность, превращаясь в азиатскую промышленную мастерскую, своего рода тихоокеанскую Британию, только без колониального душка, присущего джентльменам. И теснейший военно-политический союз Японии с Российской империей, который позволит нам, действуя вместе, шаг за шагом, не особенно торопясь, за несколько десятков лет поглотить всю азиатскую часть Тихоокеанского региона... Скорее всего, полная реализация такого сценария – это утопия, и даже если маркиз Ито захочет повести свою страну по этому пути, рано или поздно один из его преемников сорвется и натворит глупостей, считая, что Япония стала настолько мощна, что может не считаться даже с ближайшими своими союзниками. Но, тем не менее, мне хочется верить, что все кончится хорошо, и нынешняя война так и останется первой и последней войной между нашими стра-

нами. По крайней мере, я буду над этим работать, сколько хватит моих сил. Но в первую очередь я буду стараться, чтобы самой промышленно мощной, богатой и сильной в военном отношении стала Российская империя, которую мне предстоит возглавить в самое ближайшее время. Я клянусь делать все, чтобы из обыденной жизни моих подданных исчезли нищета и голод, чтобы они стали самыми образованными, умными, зажиточными и состоятельными людьми в мире, не теряя при этом таких своих лучших качеств, как сострадание, милосердие, взаимовыручка, да и просто доброе отношение к своему ближнему... Аминь.

* * *

4 июля 1904 года, Утро. Царское Село, Александровский дворец.

Капитан первого ранга Иванов Михаил Васильевич.

Сегодня за завтраком император Николай находился в весьма приподнятом настроении. И было с чего. Заливались праздничным перезвоном колокола на церковных звонницах. Где-то далеко, почти на пределе слышимости, грохотали салютами батареи Кронштадта и Петропавловской крепости. А от казарм Царскосельского стрелкового полка особого назначения, шефом которого состоял сам император, доносились густые раскаты солдатского «Ура» и стрельба в воз-

дух из револьверов, которую, несмотря на строжайшие запреты, позволяли себе господа офицеры. Простой народ тоже ходил, подвыпив, с шапками набекрень (а чего бы не выпить «смирновочки» ради такого хорошего повода). А то как же – несчастно начавшаяся война закончилась сокрушительной победой, прелиминарный договор подписан на русских условиях. Японцы даже не пытались спорить, согласившись на все, что им предложили Великая княгиня Ольга Александровна и господин Одинцов. Уж слишком шокирующим был пакет документов в специальной папке.

В связи с заключением мирного договора на Цусиме началась работа над пакетом экономических соглашений, которые надежнее стальных цепей должны были привязать Японию к России как минимум на ближайшие полвека. Но проекты этих соглашений пока держались в глубокой тайне, ибо слишком большое количество очень влиятельных лиц (собственно, и способствовавших развязыванию русско-японской войны в своих интересах) были бы просто в шоке, если бы узнали, о чем ведутся переговоры... Стоит просочиться наружу хотя бы малейшему слуху – и Николая завалят горами претензий такие люди, которым он не сможет отказать. Нет уж, тише едешь – дальше будешь. Зато при новом царствовании не забалуешь – будущая императрица уже показала зубы, осадив неутомимого в своей жадности Сандро, и дальше все будет только веселее.

По углам уже шептались о новой опрочнине и о том, что

со вселением в нее штаб-квартиры СИБ Петропавловская крепость превратилась в такой неприступный бастион реакции, каковым она не была даже во времена недоброй памяти императора Николая Павловича. Но тут случилась маленькая незадача. Военно-полевой суд уже приговорил было фигурантов дела о несостоявшемся цареубийстве к повешению за шею, после чего для тех уже приготовили белые саваны и хорошо намыленные веревки. Но тут вдруг (пока еще) император Николай в порыве радостного благодушия, вызванного победой, взял и помиловал своих несостоявшихся убийц, заменив им казнь через повешение пожизненной каторгой. Как был уверен капитан Мартынов, для Азефа с Савинковым удрать с каторги – дело вполне выполнимое, а значит, ненужный гуманизм поддавшегося сентиментальности императора грозил обернуться большими неприятностями. Теперь приходилось планировать спецоперацию, чтобы ни Азеф, ни Савинков в случае попытки побега не смогли отказаться на свободе. Для пущей гарантии побег можно было инсценировать, а фигурантов дела о цареубийстве заманить в ловушку и без свидетелей пристрелить.

Зато помилование Доры Бриллиант вызывало совсем другие эмоции. С одной стороны, Мартынову была отвратительна эта юная брюнетка с горящим взором черных глаз, не ценящая ни свою, ни чужую жизнь; а с другой стороны, он жалел ее несколько брезгливой жалостью, с какой здоровые сильные мужчины жалеют сбитую грузовиком бро-

дядючую кошку. Она и была похожа на злую черную кошку, при каждом допросе выгибающую спину и шипящую в его сторону злобным голосом; и бесполезно пытаться ее погладить, ибо в ответ на ласку она вцепится вам в руку зубами и когтями. Корни этой ненависти уходили как в «политику царского правительства» по отношению к бездомному народу, самому назначившему себя «богоизбранным», так и в действия богатейших еврейских семей: банкиров, промышленников, сахарозаводчиков и зерноторговцев, рассчитывающих извлечь из революционного движения невиданный доселе барыш. Крупнейшие денежные состояния сколачиваются как раз на крахах, когда тысячи и десятки тысяч разоряются, зато двое-трое невиданно богатеют.

Эти люди, составляющие подавляющую часть российской и мировой финансовой аристократии, именно себя считали «солью земли», а своих нищих соплеменников и соплеменниц – «пылью народа израилева», расходным материалом и пушечным мясом. Более того, обуреваемые зашкаливающей гордыней, они бросили вызов крупнейшей империи на планете, желая добиться не только изменения ее внутреннего законодательства, но и полного изменения государственного строя, рассчитывая, что после краха Российской империи они займут доминирующее положение⁵ на ее руинах...

⁵ Вспомните первые годы советской власти, когда ЦК ВКП (б) более чем наполовину был укомплектован представителями этой не самой многочисленной в России национальности, или лихие девяностые с их семибанкирщиной и ожесточенной сварой Гусинского и Березовского. Как говорится: «война была равна,

А на войне, известно, как на войне. Там и убивают и берут в плен, и берут измором осажденные крепости, вынуждая их к капитуляции. И не всегда начавший войну, будучи уверен в своей силе, оказывается в ней победителем, бывает и наоборот, как это получилось с Японией. Пошедший по шерсть сам оказался стриженным. Также должна была закончиться и тайная война мировой финансовой аристократии против российского государства. Людям, сидящим на самой вершине финансовой пищевой цепочки и возомнившим себя неуязвимыми, придется вспомнить о том, что они (безотносительно к тому, какая у них национальность) тоже смертны, как и те кому они объявили войну. А на войне как на войне. Мы тоже можем взрывать их динамитом, расстреливать из снайперских винтовок и травить, как крыс, различными ядами. Не мы начали эту войну, мы только не имеем права ее проиграть, так как знаем, что сейчас стоит на кону.

Но только не все методы в этой войне одинаково хороши. То что в нашем прошлом практиковали германские нацисты, это такая ужасная мерзость, что о ней не стоит даже говорить, а не то что реализовать. И сторонников такого образа действий требуется прессовать с не меньшим энтузиазмом, чем деятелей эсеровской боевки, иначе это плохо кончится. А вот с чертой оседлости, напротив, требуется кончать, и как можно скорее. Те, против кого она была предназначена, давно ее уже преодолели и легализовались в столицах (Петер-

бург, Москва, Киев) и по всей Руси Великой; зато для тех евреев, которые зарабатывают свои гроши честным трудом, эта черта оседлости остается непреодолимым барьером. Вот и идут такие вот Доры Бриллиант в юные террористки, как мотыльки, летящие на огонь, только затем, чтобы сломать государство, перекрывающее им выход из затхлой местечковой безысходности.

Оставить стоит только требование непременно крещения в православие при поступлении на государственную службу. И оставить в неприкосновенности наказание за льстивое (неискреннее) крещение – восемь лет каторги. Взамен отмены черты оседлости требуется ввести в уголовное законодательство понятие «этническая преступная группировка» и ужесточить наказание за казнокрадство, коррупцию и мошенничество в «особо крупных» случаях вплоть до высшей меры. А если мошенник, к примеру, удрал за пределы действия российских законов, то следует судить его заочно, и после вынесения приговора послать по его следу ликвидаторов, чтобы те привели приговор в исполнение, чтобы состояние «де факто» соответствовало положению «де юре».

Тем более что стоящие перед страной задачи упорядочивания экономической жизни и пресечения коррупции в национальном разрезе не решаются. Тут в каждой деревне сидит свой Тит Титыч, по крови чистокровный русак, по мироощущению и образу действий – свирепый мироед и душегуб. То, что из их односельчан не вытянули выкупные пла-

тежи, церковная десятина и прочие подати, эти Тит Титычи досасывают мелким ростовщичеством, ибо более половины семей не дотягивают со своим хлебом не то что до нового урожая, но даже до посевной. Взял весной на посев мешок пшеницы – осенью верни Тит Титычу три. Нет лошади, чтобы вспахать надел – возьми напрокат у Тит Титыча, да только осенью арендную плату опять же придется вернуть пшеничкой. Не хочешь – не бери, только и сеять тебе тогда тоже будет нечего, и пахать не на чем. А вы думаете, с чего раскулачивание при большевиках шло с таким кровавым азартом, причем большая часть этого азарта проявлялась даже не сверху, а снизу...

Для исправления положения необходим государственный подход, урезающий аппетиты ростовщиков и вводящий для малоимущих крестьян дешевые государственные кредиты в денежной и натуральной форме, а также прокат рабочих лошадей и сельхозинвентаря... Правда, при внедрении подобной программы коллективные Тит Титычи окажут ей ожесточенное сопротивление, вплоть до махровой уголовщины с поджогами и убийствами. Тут и к гадалке не ходи – будет все то же, что и в первые годы коллективизации (пусть и без классового подхода), ибо таким образом государство попытается на то, что, по мнению Тит Титычей, является их священной коровой. И разбираться с этими делами опять придется территориальным органам СИБ, которые еще предстоит создать...

Кстати, предварительный доклад на эту тему был прочитан государю-императору Николаю Александровичу, ибо невозможно допускать, чтобы в начале двадцатого века две трети российских подданных жили натуральным хозяйством, будто на дворе каменный век. Но тот, хоть и выслушал наши соображения весьма внимательно, в конце замахал руками. Нет, мол, нет и нет. И не уговаривайте. Тут дембель на носу, господа, а вы предлагаете вникать в такие серьезные проблемы. Вот станет Императрицей сестрица Ольга – ей и докладывайте. А я, мол, пас. В качестве дембельского аккорда и в ознаменование победы над супостатом Николая удалось уговорить только отменить выкупные платежи. Но тут уже на дыбы должен взвиться министр финансов Кокорцев, ибо эти денежки, по копейке собираемые с нищайшего населения, составляют значительную часть бюджета Российской империи, а график выкупных платежей рассчитан аж до 1932 года.

Вот так – победа победой и день вроде праздничный, а настроение тяжелое, будто в понедельник утром после бурной попойки накануне. Ведь крестьянский вопрос – он будет страшнее японской войны, и с нахрапа его не решишь. А ведь и кроме него имеются задачи – скорейшее заселение русскими Дальнего Востока, борьба с коррупцией и высокородным кумовством, индустриализация, электрификация, а также необходимость иметь строго научный план, который увязывал бы все это в единое целое. Без этого все наши по-

беды над Японией могут оказаться напрасными и никому не нужным действием; и – пусть не в семнадцатом, а в каком-то другом году – история опять сойдет с рельсов и понесется вскачь. Так что настоящая война за будущее России еще только начинается...

* * *

5 июля 1904 года, вечер. Царское Село, Александровский дворец.

**Коммерческий директор АОЗТ «Белый Медведь»
д.т.н. Лисовая Алла Викторовна.**

Никогда раньше я не задумывалась о том, счастливый ли я человек. Особо несчастной себя не ощущала; жила, работала, имела любовников – словом, все было вполне себе стандартно, «как у всех». На прошлое никогда не оглядывалась, в омут с головой не бросалась, безумных поступков не совершала. Мне даже в голову не приходило переступить границы привычного, хорошо знакомого, встряхнуть свой уютный мирок, совершив нечто из ряда вон выходящее, нечто «экстремальное» – например, прыгнуть с парашютом, сделать ультракороткую стрижку или... без памяти влюбиться. Да, все перечисленное для меня стояло в одном ряду и относилось к разряду тех вещей, которые могут совершать другие, но только не я. Потому что мне и так хорошо. Хорошо – да, но вот счастлива ли я? А не задумывалась я над этим

вопросом потому, что опасалась найти правильный ответ... Опасалась, что он лишит меня привычного покоя.

С тех пор, как я оказалась в этом мире, задумываться мне стало просто некогда. Собственно, попадание это и оказалось той встряской, что заставляет смотреть на мир и на себя по-новому. Со мной происходили такие стремительные перемены, что мне было уж точно не до поиска ответов на тривиальные вопросы. Но вот в жизни моей наступил некий штиль... Все вокруг как-то упорядочилось и покатилося по относительно гладкой колее; особых событий, волнений или потрясений глобального плана для меня не предвиделось... И здесь, в тиши Царского Села, в «своей» уютной комнате, оклеенной фиолетовыми обоями, я наконец решила проанализировать свои ощущения и подвести итоги.

Собственно, это едва ли можно было назвать анализом. Просто я каждое утро отмечала то, с каким настроением, с какими мыслями я поднимаюсь с постели. И вот тогда-то я и смогла уловить это трепетное ощущение, которое, каждый на свой лад, пытались красивыми словами обозначить поэты... Вспомнилось даже что-то, наиболее близкое к тому, что я чувствовала:

«Ах мадам! Вам идет быть счастливой,
Удивленной и нежной такой,
Безмятежной, свободной, красивой,
Вам неведомы лень и покой...»

Да-да-да, все это так и было... К каждый день приятно

удивлял меня каким-нибудь сюрпризом. К покою я больше не стремилась – наоборот, мне хотелось ярко переживать все свои эмоции... Я постоянно была чем-то занята, но не рутинной, а интересными делами. И нежность цвела в моем сердце, сменив обитавшую там когда-то скептическую настороженность. Все мои беспокойства, остатки прошлых комплексов улетучились без следа. Я и вправду была свободна и независима – настолько, насколько только может быть свободна женщина двадцать первого века, попавшая в начало двадцатого... Свободен был мой дух, мой разум, не связанный никакими условностями этого времени. Я смотрела в зеркало и восхищалась собой. И уж конечно, все это мне очень шло... У меня было чувство, что я окончательно нашла когда-то потерянную себя. словно замкнулся какой-то круг, и все встало на свои места...

Я обнаружила в себе много такого, о чем раньше не подозревала. Оказалось, что я могу быть милой и приветливой, могу производить приятное впечатление на незнакомых людей... Эх, а ведь когда-то меня за глаза называли «комком нервов» – наверное, за мой тяжелый характер и привычку цепляться к мелочам. Ну, а самое главное – выяснилось, что меня любят дети! А также то, что и я тоже... люблю их и умею с ними ладить. Вот это было действительно потрясающее открытие...

Дочери Николая очень привязались ко мне. Зря я думала, что для того, чтобы заниматься детьми, нужна особая под-

готовка. Ничего подобного! Главное, быть собой. Ведь дети чувствуют малейшую фальшь... Словом, девочки прониклись ко мне такой симпатией, что и дня без меня прожить не могли. Мы играли с ними в разные игры, много разговаривали. И все чаще веселый детский смех оглашал галереи Александровского дворца... Девочки так явно оживились, что их бонна стала смотреть на меня с некоторым благоговением, точно я какая-то чародейка. Они дарили мне всю свою любовь и привязанность, что были предназначены матери (которая, впрочем, будучи еще живой, держалась с ними достаточно холодно). И в какой-то момент я осознала, что расстаться с этими прекрасными милыми созданиями для меня теперь было бы совершенно невыносимо...

А уж как преобразился Николай... И мне это вовсе не казалось, так как многие стали замечать, что он как-то воспрянул духом за последние два месяца. Из-под защитного панциря с топорщащимися иголками начинал проглядывать живой человек со всеми своими достоинствами и недостатками. Злое колдовство рушилось – Темный Рыцарь все больше становился похож на Доброго Человека с Теплым Сердцем. Что, впрочем, не мешало ему оставаться при этом рыцарем и галантным кавалером. Он очень хотел стать хорошим царем, только не знал, как это сделать. Ну нет у человека командно-организационных способностей, и все тут. Если честно, я бы ему не доверила даже заведовать продуктовым ларьком, а тут огромная империя в одну пятую часть суши...

Наши ежевечерние прогулки стали приобретать все более интимный характер. Все чаще рука его поглаживала мои пальцы, лежащие на сгибе его локтя. А порой он просто в задумчивом молчании смотрел на меня, и в такие моменты мне казалось, что и его душа замирает от ощущения счастья, которое он боится спугнуть. Скорбь его по усопшей супруге приобрела характер светлой грусти, которая шла только на пользу его психологическому состоянию. Он стал много шутить, строить планы. Иногда, слушая его увлеченное повествование о том, как он собирается после отставки перебраться в Гатчину и зажить там с дочерьми жизнью частного лица, которого никто более не будет беспокоить, я шутливо вопрошала своего кавалера:

«Вы же собирались в монастырь, Николай Александрович? Не так ли?»

Он несколько стыдливо опускал голову, а потом взглядывал на меня со смущением и лукавством и говорил:

– Ну да, собирался... Но теперь, пожалуй, я с монастырем погожу...

Ну чисто почтальон Печкин из мультфильма, который только жить начинает...

Что ж вы так, Николай Александрович, – с деланным ехидством вопрошаю я, – слова своего не держите? Неправильно это. Все знают, что царь должен быть таким, что сказал – как отрезал, и что верность своему слову это главное достоинство королей.

– Да вот, – вздыхает он, – думаю, Господь мне совсем другую стезю уготовил...

– Какую ж? – с притворным недоверием спрашиваю я, дергая лепестки ромашки, будто играя в «любит – не любит».

– Ну, Алла Викторовна... – пожимает плечами мой кавалер, – пути Его неисповедимы... Возможно, Ему угодно, чтобы я обрел простое семейное счастье... Должно же быть и у меня простое семейное счастье...

– Неужели, Николай Александрович? – всплескиваю я руками, как принято в этом времени делать жеманным барышням. – Это же замечательно... Так вы никак женитесь в скорой перспективе?

– Почему бы и нет... – отвечает он, вскидывая голову. – Ведь моим девочкам нужна мать... Да и я еще не стар и, может быть, смогу сделать счастливой достойную женщину... Думаю, что моя милая Аликс тоже не стала бы против этого возражать...

При этом он смотрел на меня многозначительным горящим взглядом влюбленного юноши, и я, не в силах выдержать этот взгляд и желая еще пококетничать, смущенно отворачивалась и переводила разговор на другую тему. Воображая нас со стороны, я думала: «Ну чисто школьники!», и мне было и смешно, и радостно, и розы с незабудками распускались в моей душе. Все это было так мило и романтично, как еще никогда не было в моей жизни! Ну а особой пикантности этому придавало то, что моим влюбленным кавалером был Николай Александрович.

лером был ни кто иной, как Император Всероссийский, сам Николай II... Впрочем, недолго ему было оставаться императором, хотя это и не могло повлиять на наши отношения. Ведь в первую очередь я ценила его как мужчину – умного, заботливого, умеющего любить. И знала, что рано или поздно серьезное объяснение между нами все же произойдет...

И вот настал этот день. Николай пришел ко мне одетый не так, как обычно – на этот раз на нем не было стеганой тужурки и охотничьих брюк; вместо этого он было облачен в нарядный синий гусарский мундир, богато украшенный золочеными витыми шнурами*. Вид он имел решительный и торжественный. Во взгляде его появилось что-то новое, непривычное – уверенность, что ли, определенность...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.